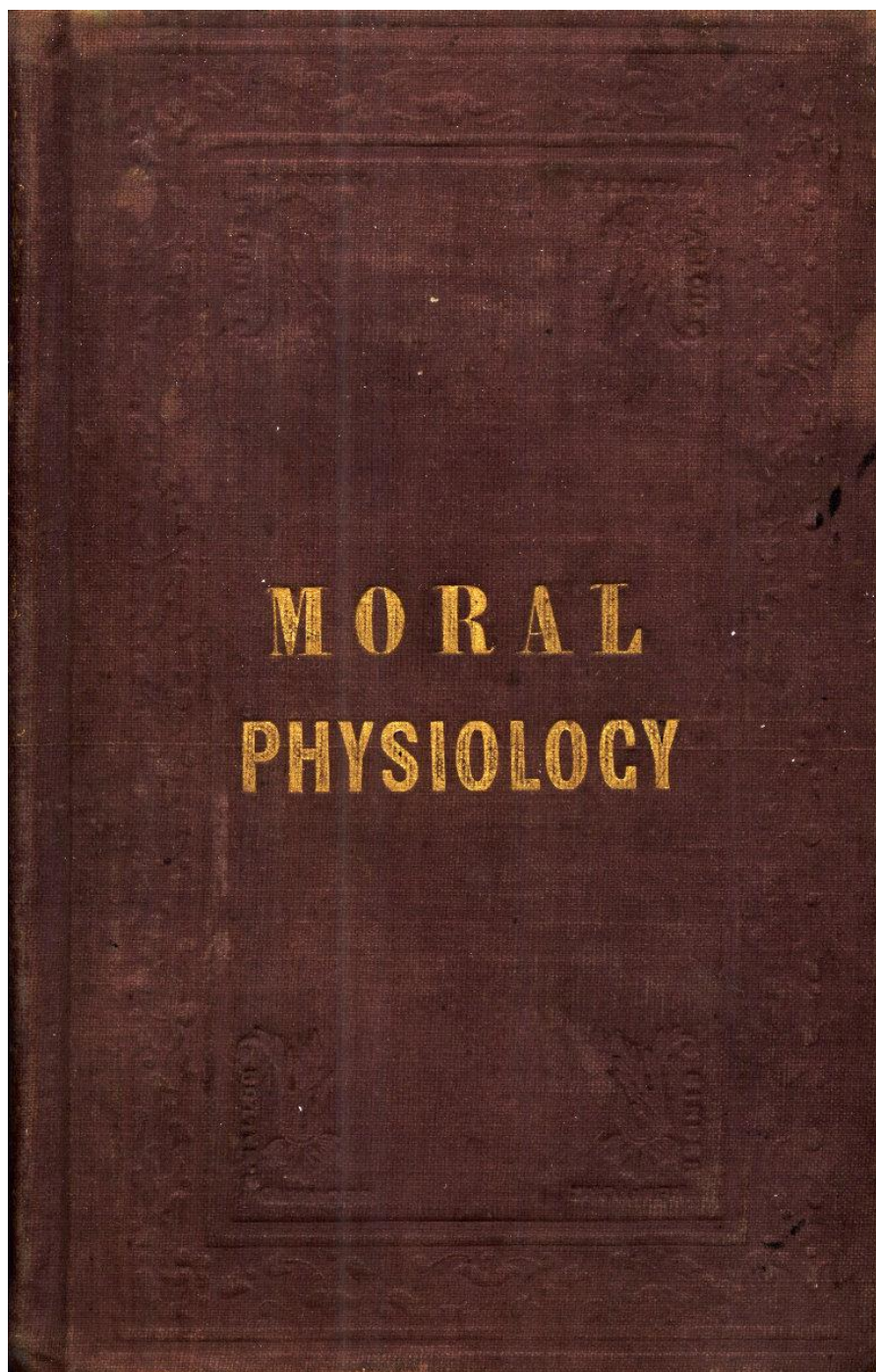

Моральная физиология Оуэна, или краткий и ясный трактат по демографическому вопросу

Роберт Дейл Оуэн

Электронная книга проекта "Гутенберг" по моральной физиологии Оуэна; или краткий и понятный трактат по демографическому вопросу

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Моральная физиология Оуэна, или Краткий и ясный трактат по демографическому вопросу

Автор: Роберт Дейл Оуэн

Редактор: Ральф Гловер

Дата выхода: 9 мая 2021 г. [Электронная книга № 65293]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Авторы: Ричард Тонсинг, Джульет Сазерленд и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "МОРАЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ ОУЭНА",
ИЛИ КРАТКИЙ И ПОНЯТНЫЙ ТРАКТАТ По ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ ***

Примечание переписчика:

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

МОРАЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ

АВТОР: РАЛЬФ ГЛОВЕР, доктор медицины

Увы! что это вообще должно было родиться.

МОРАЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ ОУЭНА, ИЛИ КРАТКИЙ И ЯСНЫЙ ТРАКТАТ ПО ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, С ИЗМЕНЕНИЯМИ И ДОПОЛНЕНИЯМИ,

АВТОР: РАЛЬФ ГЛОВЕР, доктор медицины

“Принцип полезности лежит в основе настоящей работы”.

Бентам о морали и законодательстве.

НЬЮ-ЙОРК:

ОПУБЛИКОВАНО Р. ГЛОВЕРОМ, 2-Я ЭНН-СЕНТ.

1846.

Вошел

Согласно Акту Конгресса, в 1846 году,
АВТОР: РАЛЬФ ГЛОВЕР,
В кабинете секретаря окружного суда Южного округа
Округ штата Нью-Йорк.

Содержание

ОБЪЯСНЕНИЕ ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Введение.

МОРАЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ.

ГЛАВА II. ИЗЛОЖЕНИЕ ТЕМЫ.

ГЛАВА III. ВОПРОС, РАССМОТРЕННЫЙ В АННОТАЦИИ.

ГЛАВА IV. ВОПРОС В ЕГО СВЯЗИ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ.

ГЛАВА V. ВОПРОС, РАССМОТРЕННЫЙ В ЕГО СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ.

ГЛАВА VI. ПРЕДМЕТ, РАССМАТРИВАЕМЫЙ В ЕГО НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ С
ФИЗИОЛОГИЕЙ.

ГЛАВА VII. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

ГЛАВА VIII. ВСТУПАЮЩИМ В БРАК ОБОЕГО ПОЛА В УСЛОВИЯХ СВЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА IX. ЦЕЛИ И ОБЯЗАННОСТИ БРАКА.

ГЛАВА X. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

ОБЪЯСНЕНИЕ НАЗВАНИЯ ФРОНТИСПИСА.

На фронтисписе, сопровождающем этот трактат, изображена бедная мать, бросающая своего младенца у ворот Отеля Enfants trouvés(Приюта для подкидышей) в Париже. Оригинальная картина, с которой это точная копия, принадлежит Виньерону, знаменитому французскому художнику; она была приобретена за тысячу долларов для Королевской галереи и сейчас находится во владении французского короля.

The Отель "Трувес", более гуманного учреждения, чем это, никогда не было основано, демонстрирует каждое свое устройство, порядок, экономию и, прежде всего, прекрасную нежность чувств тех бедных созданий, которые таким образом вынуждены пользоваться для своих отпрысков приютом, который он предоставляет. Не делается никаких навязчивых замечаний, не задается бесчувственных вопросов: подопечного принимают молча и либо обучают и поддерживают до совершеннолетия, либо, если обстоятельства в любой последующий период позволят родителям заявить права на свое потомство, оно возвращается под их опеку.

Несомненно, нет такой застывшей секты или вероучения, или такого жесткого ритуала, которые могли бы систематизировать общие чувства человечества или иссушить молоко человеческой доброты в груди некоторых более благородных душ. Доброжелательным основателем и неутомимым сторонником этого благородного учреждения был иезуит! Пусть о добрых делах святого Винсента де Поля будут помнить еще долго после того, как забудутся интриги и жестокость его собратьев-сектантов!

Выбранный случай — это случай легкого, модифицированного, я чуть было не сказал, *благоприятствуемого* несчастья: крайний случай был слишком отвратительным для представления. Но даже при этих сравнительно счастливых обстоятельствах, когда милосердие распространяет свою самаритянскую заботу на обездоленных и покинутых, которые на мгновение замечают покинутое беспомощное дитя и немое горе уходящей матери, но присоединяются к восклицанию: “Увы! что это вообще должно было родиться!”

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Прошло уже десять лет с момента публикации последнего издания книги мистера Оуэна, и считается, что произошло такое изменение общественного мнения, которое сделает переиздание работы с такими дополнениями и изменениями, какие выявили открытия и усовершенствования в этом отделе физиологии, приемлемым для автора, его друзей и общественности. Несколько лет, проведенных в ходе экспериментальных исследований, довели до сведения Редактора некоторые практические факты, которые, взятые в связи с откровенным исследованием предмета автором, были бы достаточным извинением (если бы таковое было необходимо) за публикацию этого небольшого трактата в настоящее время. Более того, за последние несколько лет сложился целый ряд обстоятельств, которые во многом способствовали устранению из общественного сознания предубеждения, неблагоприятного для обсуждаемого здесь предмета. Эти обстоятельства обеспечат ему более благоприятный прием в данное время. Самоочевидным фактом является то, что каждое открытие в науке, которое служит тому, чтобы сделать человечество счастливее и в то же время явно способствует предотвращению преступности и устранению морального зла, заслуживает широкой огласки.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Возможно, будет уместно изложить в нескольких слов непосредственные обстоятельства, побудившие меня в настоящее время написать и опубликовать этот трактат.

Несколько недель назад джентльмен, приехавший из Англии, привез с собой два прелестных образца английской типографии. Один представлял собой триумфальную арку со статуей покойного короля и был составлен из 17 000 различных фрагментов обычным печатным шрифтом; другой - алтарный фрагмент, внутри которого были напечатаны Молитва Господня, Символ веры и Заповеди, состоящий примерно из 13 000 отдельных фрагментов. Брайтонский печатник, который их выполнил, попросил этого джентльмена подарить их, как образцы английского книгопечатания, некоторым из его братьев-мастеров в Америке. Он подарил их мне. Я восхитился изобретательностью, проявленной в исполнении, но подумал, что их следовало бы представить скорее какому-нибудь обществу печатников, чем отдельному человеку. Поэтому я адресовал их нашему Типографскому обществу в Нью-Йорке, сопроводив запиской, в которой просто просил общество принять их как образцы искусства в Англии.

Я больше не задумывался над этим вопросом, пока на днях не получил обратно свои образцы с длинным и немало гневным письмом, подписанным тремя членами организации, обвиняющими Роберта Дейла Оуэна в принципах, подрывающих все добродетели под небесами и рассчитанных на то, чтобы привести к нарушению всех заповедей десятилетия: и, что более важно, обвиняющими его в том, что он дал свое разрешение на работу, как они выразились, "предлагающую стимулы и возможности для занятия проституцией их дочерей, сестер и жен".

Впоследствии я узнал от одного из членов общества обстоятельства, которые несколько смягчают (хотя ничто не может извинить) их детскую невежливость. Джентльмен, который в прошлом году посвятил себя составлению примечательного ответа "Обществу защиты промышленности", встал на позднем Типографском собрании и зачитал Обществу несколько отдельных выдержек из брошюры Ричарда Карлайла, озаглавленной "Книга каждой женщины", эти выдержки он назвал чрезмерно неприличными; и спросил Общество, получают ли они что-нибудь из рук человека, который публично одобрил книгу столь ужасающе аморального направления; что, по его утверждению, я и сделал. Общество было (или сделало вид, что было) сильно шокировано, и вслед за этим выбрало комитет для возвращения мне еретических образцов, и этот комитет написал письмо, на которое я ссылался.

Вероятно, некоторые члены общества действительно считали, что эта работа имеет пагубную тенденцию. Если бы мне были прочитаны только какие-то искаженные выдержки из нее, я, возможно, совершенно неправильно понял бы ее тон и направленность, а также мотивы ее автора. Но тот, кто может прочесть брошюру до конца, должен быть действительно слеп, а затем (одобряет он ее или нет) может приписать человеку, который был достаточно смел, чтобы ее опубликовать, иные намерения, чем благие.

Что касается самой книги, то два года назад, когда я жил в Индиане, меня попросили опубликовать ее, но я отказался. Моими главными причинами было то, что я сомневался в его физиологической корректности; что я не считал его стиль и тон признаком хорошего тона; но главным образом (как я выразился в "Нью Хармони Газетт") потому, что я боялся, что он будет распространяться в этой стране только для того, "чтобы попасть в руки легкомысленных и удовлетворить любопытство распушенных людей, вместо того, чтобы попасть, как следовало, в

руки филантропа, физиолога и каждого отца и матери в семье”. Обстоятельства, которые я только что подробно описал, могут служить доказательством того, что мои опасения относительно рук, в которые это может попасть, были вполне обоснованы.

Мои принципы, подвергшиеся столь официальному и публичному нападению, я счел своим долгом перед делом реформ выступить вперед и отстоять их; и это тем более справедливо, что, если я не изложу свои собственные чувства, меня будут понимать как безоговорочно поддерживающего Ричарда Карлайла. Так вот, никто так не восхищается мужеством и силой духа, как я, которые побудили этого отважного защитника ереси затронуть этот важный вопрос; и ему следует воздать должное за то, что он *был* первым, кто на это отважился. Но манера написания его книги меня не восхищает. В ней есть то, что было отталкивающим (я не скажу, отвратительным) для моих чувств при первом прочтении; и хотя впоследствии я начал сомневаться, не было ли это первое впечатление в значительной степени связано с моими предрассудками, все же я не могу сомневаться, что подобное и даже более неблагоприятное впечатление будет произведено на умы других, и, таким образом, интересы истины окажутся под угрозой. С другой стороны, я думаю, что физиологическая часть его брошюры несколько некорректна в отношении фактов и, следовательно, рассчитана на введение в заблуждение, где ошибка может иметь фатальные последствия.

С моей стороны может показаться тщеславием воображать, что этот трактат свободен от подобных возражений; и все же я приложил немало усилий, чтобы сделать его таким.

R. D. O.

Введение.

Читатель, после того как ему пришлось прочитать два предисловия, прежде чем перейти к сути, может счесть затруднительным дальнейшее чтение несколько пространного введения, когда название книги должно быть лучшим предисловием; но редактор просил бы вашего снисхождения, пока он кратко излагает цель и замысел следующих страниц.

Часто считалось сомнительным, следует ли знакомить публику с медицинскими книгами, поскольку предполагалось, что такая литература имеет тенденцию препятствовать тем самым целям, которые она якобы поощряет: что вместо того, чтобы давать представление о болезнях нашей природы, посредством которых мы могли бы избежать или устранить их, ее неизбежный эффект из-за вероятного отсутствия у читателя всех предварительных медицинских знаний заключался лишь в создании путаницы и тревоги и, даже там, где его понимали, только усиливал страх; и это последнее представление основано на распространенном заблуждении, что даже профессиональные люди, по той же причине они наименее эффективны, когда следят за собой. Сомнение, однако, теперь можно считать устраненным, если мы просто понаблюдаем, как в последние годы желание обладать общей информацией по всем вопросам, относящимся к жизненным функциям, проявилось в массовом посещении различных научных учреждений, и как это также поощрялось людьми, выдающимися своими талантами и достоинствами, посвятившими себя раскрытию и упрощению профессиональных знаний, которые они приобретали годами. Читались лекции, и их посещали большие толпы молчаливых

и встревоженных слушателей — издание за изданием популярных работ на схожие темы, написанных одними и теми же людьми, были запрошены и с нетерпением подхвачены — тайны физиологии были раскрыты от низшей до высшей ступени творения: была показана история человека и продемонстрированы различные его элементы — феноменам дыхания, пищеварения и кровообращения уделялось свое внимание, и многие из наиболее распространенных болезней человечества обсуждались и исследовались, их причины были раскрыты, а методы лечения были широко распространены. подробно описаны средства их предотвращения. Несмотря на то, что общественность страдает от такого распространения медицинских знаний, все классы человечества получили огромные преимущества.

Среди всех разделов анатомических исследований, созданных таким образом, общественные приличия благоразумно исключили популярные исследования физиологических законов зачатия. Я говорю разумно, поскольку обсуждение таких тем, как устроено общество, недопустимо в больших собраниях, и, вероятно, обоих полов, без риска возникновения ассоциаций, враждебных морали и добродетели;^[1] но никто не может закрывать глаза на ползучий прогресс, который ежедневно наблюдается в освещении этих тем в популярных журналах и публикациях, и никто не может закрывать глаза на то, что эти темы затрагиваются в популярных журналах и публикациях. отрицать, по крайней мере, важность соблюдения законов, регулирующих воспроизводство здорового или больного населения. В отсутствие информации, предоставляемой общественности по законным каналам, и осознания того, что многие ошибки совершаются по незнанию и терпят из-за стыда, предлагается эта небольшая работа, сопровождаемая надеждой, что ее полезность не может быть снижена из-за неправильного толкования мотивов автора.

Философ, задавая себе вопрос, *что такое любовь*, решает его, задавая другой вопрос: *что такое животное или что такое человек?*

Рассматривая человечество, он обнаруживает, что оно делится на два класса, мужчин и женщин, лишь незначительно отличающихся внешней формой или внутренним характером. Он обнаруживает, что они обладают одними и теми же страстями, одними и теми же желаниями, что они живут одними и теми же средствами, и с той разницей, что самка является организмом, пригодным для размножения вида, он видит, что они во всех отношениях совершенно одинаковы.

Размножение или накопление идентичностей, подобных "я", является общим законом животного и растительного мира; и склонность к размножению у всех хорошо сформированных и здоровых субъектов столь же сильна, как голод, или жажда, или желание самосохранения. В потакании этой страсти нет ничего преступного, но преступность возникает там, где в потакании отказывают; потому что здоровье и даже жизнь находятся под угрозой. Это не искусственная страсть, такая как стремление продемонстрировать различия общества; но естественная страсть, которую мы разделяем со всеми другими животными. Она растет вместе с нашим ростом и укрепляется нашей силой.

Чтобы доказать, что подлинная любовь есть не что иное, как эта страсть, достаточно сослаться на период, в который она возникает и в который покидает нас. Мы не слышим о любви в преклонном возрасте или в младенчестве; и привязанности по привычке, доброте, благодарности или человеческой, социальной, индивидуальной, родительской, сыновней или домашней привязанности не имеют никакого отношения к любовной страсти. Мы говорим о

любви, о добродетели, о дружбе, о героизме, о характере, о великодушии; но этот вид любви полностью отличается от любовной страсти между мужчиной и женщиной. Все мужчины склонны испытывать нежную страсть любви к красивой женщине; все женщины - к красивому и приятному мужчине; но это не что иное, как желание связать себя с наиболее приятными объектами сексуальной коммерции. Повседневные явления человечества объясняют этот вопрос, и отсюда множество насилий и интриг, связанных со страстью любви; отсюда соблазнения, прелюбодеяния, изнасилования и совокупления, объявленные незаконными в разных странах.

Настоящая цель этой работы состоит в том, чтобы объяснить физиологию репродуктивных органов и социальное значение, которое надлежащий контроль репродуктивного инстинкта окажет на общество, и его последствия, когда он неконтролируемый, и выгоды, которые обязательно должны быть получены при надлежащем сдерживании.

Химическая наука и экспериментальные исследования, подкрепленные недавними открытиями в этом разделе литературы, позволили Редактору предложить страдающей матери безопасное средство предотвращения зачатия. Он надеется, что целесообразность и моральная пристойность его использования будут удовлетворительно объяснены на последующих страницах.

МОРАЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ.

Я сажусь писать небольшой трактат, который подвергнет меня оскорблениям со стороны самодовольных людей, искажениям со стороны лицемерных и упрекам даже со стороны искренне предубежденных. Некоторые могут отказаться читать его, и многие другие неправильно поймут его тенденцию. Я бы отложил его публикацию, если бы мне позволили, до тех пор, пока общественное мнение не будет лучше подготовлено к его восприятию; но враги реформ уже навязали публике эту тему в одиозной форме, и у меня не осталось выбора. Поэтому, если я преждевременно задеваю честные предрассудки кого-либо, пусть они помнят, что я не ищу такого случая.

Тема, которую я намереваюсь обсудить, является строго физиологической, хотя и связана, как и многие другие физиологические темы, с политической экономией, моралью и социальными науками. Обсуждая это, я должен говорить так же ясно, как это делают врачи и физиологи. Что я имею в виду, я должен сказать. Псевдоцивилизованный человек, это аномальное существо, которое нехотели определить как “животное, стыдящееся собственного тела”, может обидеться, что я говорю просто: я ничего не могу с этим поделать.

Иностранная принцесса, направлявшаяся в Мадрид, чтобы стать королевой Испании, проезжала через маленький городок на полуострове, известный своей мануфактурой по производству перчаток и чулок. Местные власти, стремясь продемонстрировать свою лояльность по отношению к своей новой королеве, подарили ей по прибытии образцы тех товаров, которыми только и отличался их город. Мажордом, который вел принцессу, принял перчатки очень любезно; но когда были представлены чулки, он с большим негодованием

отшвырнул их и сурово отчитал магистратов за этот вопиющий акт непристойности. “Знайте, - сказал он, - что у королевы Испании нет ног”.^[2]

Я никогда не мог проникнуться симпатией к этой деликатности мажордома; и если ты можешь, мой читатель, тебе лучше сразу отбросить эту книгу.

Если вы много путешествовали и наблюдали, вы уже усвоили разницу между настоящими и искусственными приличиями. Если вы были в Константинополе, то, вероятно, знаете, что, когда жены великих сеньоров заболевают, врачу разрешается видеть только запястье, которое просовывается через отверстие в стене комнаты, потому что даже врачу неприлично смотреть на жену другого мужчины; и считается, что лучше пожертвовать здоровьем, чем приличиями.^[3]

Если вы жили среди жителей Туркмении, вы знаете, что они считают, что добродетель женщины навсегда принесена в жертву, если до замужества ее увидят остановившейся на дороге общего пользования, чтобы поговорить со своим возлюбленным:^[4] и если вы читали "Путешествия Бекингема", вы, возможно, помните очень романтическую историю, в которой молодая туркменская леди, таким образом, лишилась своего репутация, оставлена умирать на дороге ее братьями, которые были полны решимости, что их сестра не должна пережить своего бесчестья.

Возможно, вы путешествовали по Азии. Если это так, то вы не можете не знать, насколько неприлично для азиатских ушей справляться у мужа о здоровье его жены; и, вероятно, вы знаете, что мужчины расстались с жизнью, чтобы искупить подобную неприличность. Вы, конечно, знаете также, что у восточных народов женщине неприлично открывать свое лицо; но, возможно, вы не знаете, если только ваше путешествие не простиралось до Абиссинии, что там неприличие заключается в том, чтобы обнажать ноги.^[5]

В Центральной Африке вы, возможно, видели женщин, купающихся публично, без малейшего чувства неприличия; но вам, несомненно, сказали, что мужчинам нельзя позволять подобную вольность; поскольку скромность требует, чтобы они совершали свои омовения наедине.

Если мой читатель видел все или какую-либо из этих стран и обычаев, я не сомневаюсь, что он или она прочтет мою маленькую книгу с пониманием и истолкует ее с той чистотой, которая проистекает из расширенных и просвещенных взглядов; или, более того, из здравого смысла. Если нет — если вы, кто сейчас читает эти строки, получили образование дома и никогда не переступали границы вашей собственной нации — возможно, вашей собственной деревни, — если вы не усвоили, что существуют и другие приличия, помимо правил вашей страны; и что, в конце концов, подлинная скромность имеет законное место в сердце, а не во внешней форме или санкционированном обычае — тогда, боюсь, у вас может возникнуть шанс выбросить из головы эти страницы, как мажордом выбросил из рук предложенные чулки, не сознавая, что бестактность заключается не в моих простых словах и не в том, что я говорю. Честное предложение испанских магистратов, но в похотливо-чувствительном воображении, которое обнаруживает неприличие ни в том, ни в другом. И все же, несмотря на неопытность, если вы все еще молоды и чисты душой, вы можете дочитать эту книгу до конца, и я опасаюсь, что с ваших уст или в ваших сердцах не сорвется какое-либо отвратительное неправильное толкование.

Молодые мужчины и женщины! вы, кто, если и невежественны, то также не испорчены; вы, в чьих умах честные и простые слова не вызывают ничего, кроме честных и простых идей; вы, кто не мыслит зла; вы, кто все еще верит в человеческую добродетель и человеческое счастье; вы,

кто, подобно нашим легендарным прародителям в их раю, все еще не разбираетесь в лицемерных условностях и отвратительных пороках псевдоцивилизации; вы, у кого любовь сильнее страха, а закон в груди сильнее, чем в книге статуй; вы, чьи чувства все еще не исказились и чьи сочувствие все еще теплое и щедрое; вы, принадлежащие к лучшей части вашего вида и сформировавшие свое мнение о человечестве на основе таких же бесхитростных умов, как у вас, - молодых мужчин и женщин! именно к вашим чистым чувствам я хотел бы обратиться; именно по вашим бесхитростным сердцам я хотел бы судить о моем трактате и моих мотивах.

Развратники и развратницы! эта книга не для вас. Вы не имеете никакого отношения к предмету, о котором в ней говорится. Привлекая к ее обсуждению, как вы это делаете, недоверие или презрение к человеческой расе — вы привыкли путать свободу с распушенностью, а удовольствие с развратом, и не вашим приевшимся чувствам и огрубевшим чувствам различать моральную истину в ее чистоте и простоте. Я никогда не обсуждаю эту тему с такими, как ты.

Было замечено, что ничто так не подозрительно в женщине, как неистовые претензии на особое целомудрие; не менее верно и то, что самый навязчивый и чувствительный приверженец этикета ортодоксальной морали - бессердечный повеса. То небольшое общение, которое у меня было с людьми вашего склада, предостерегает меня от серьезного обсуждения с вами любых видов моральной ереси. Вы подходите к предмету в тоне и духе, которые в равной степени противоречат хорошему вкусу и приятному самочувствию. Вы, кажется, предполагаете - возможно, исходя из вашего собственного опыта, — что сердца всех мужчин, и особенно всех женщин, прежде всего лживы и отчаянно порочны; что насилие и порок присущи человеческой природе и что ничто, кроме законов и церемоний, не мешает миру превратиться в огромную бойню или вселенский публичный дом. Вы судите о своем собственном поле и о других людях по образцам, с которыми вы встречались в жалких притонах корыстного распутства; и, имея в своем сознании такой стандарт, я не удивляюсь, что вы остаетесь неисправимыми неверующими ни в какую добродетель, кроме той, которая навязывается ханжескому рассаднику церемониальной ортодоксии. Я не удивляюсь, что вы не доверяете естественной почве, поливаемой с небес и согреваемой животворящим солнцем. Как вы должны это делать? вы никогда не видели, чтобы она производила что-то, кроме сорняков и ядов. Развратники и развратницы! отбросьте мою книгу в сторону! Вы не найдете в ней ничего, что могло бы удовлетворить распушенное любопытство; и, прочитав это, вы, вероятно, только отдадите мне должное за мотивы и импульсы, подобные вашим собственным.

И вы, ханжи и лицемеры! вы, которые грызете комара и глотаете верблюда; вы, кого Иисус сравнил с белеными гробницами, которые снаружи действительно красивы, но внутри полны всякой нечистоты; вы, которые притворяются, что краснеют, если в разговоре случайно упоминается голень или демонстрируется в неприличном стиле, но без стеснения читаете непристойности в своих шкафах; вы, кто за обедом попросил, чтобы ему подали утиную грудку, чтобы упоминание слова "грудка" не вызвало у вас неподобающих ассоциаций; вы, у кого нет ничего, кроме головы, ног и пальцев; вы, у кого нет ничего, кроме головы, ног и пальцев; вы, у кого нет ничего, кроме головы, ног и пальцев. которые выглядят скромными при дневном свете и назначают встречи только в темноте — вы, ханжи и лицемеры! Я не обращаюсь. Даже если вы честны в своей скромности, ваши представления о добре и зле слишком искусственны и запутанны, чтобы извлечь пользу из настоящего обсуждения; если вы нечестны, я не желаю с вами общаться.

Читатель! если ты принадлежишь к классу ханжей или распутников, прошу тебя, не следуй дальше моим доводам. Остановитесь здесь и поверьте, что моя ересь вам не подойдет. Как ханжа, вы сочли бы ее слишком честной; как распутник - слишком умеренной. В первом случае вы могли бы назвать меня очень шокирующим человеком; во втором - занудой.

Но если вы честны, прямолинейны, с чистыми помыслами - если вы не осознаете недостойных мотивов или эгоистичных страстей — если истина является вашим честолюбием, а благополучие нашей расы вашей целью - тогда подойдите вместе со мной к предмету, наиболее важному для благополучия человека; и подойдите к нему так, как это делаю я, в духе беспристрастного, бескорыстного свободного исследования. Подойдите к этому, решив доказать все, и крепко держитесь за то, что хорошо. Это обсуждение является *обязанностью* каждого мужчины и каждой женщины *business* каждого). Этого требует благополучие нынешнего поколения и — в гораздо большей степени — следующего. Здравый смысл это одобряет. И национальный девиз моей бывшей страны “Уважай себя спокойно”,^[6] может объяснить дух, в котором это предпринято и в котором это должно быть воспринято.

Читатель! тебя не должно касаться, кто или что я, обращающийся к тебе сейчас. Истина есть истина, если она слетает с уст сатаны; а заблуждение должно быть отвергнуто, даже если его проповедует ангел с небес. Таким образом, даже будучи анонимной работой, этот трактат должен получить от вас полное иоткровенное прочтение. Но, чтобы вы не подумали, что мне стыдно честно обсуждать столь полезную и важную тему, я указал вам свое имя на титульном листе.

Вас также не касается, какой у меня характер. Ни один здравомыслящий или скромный человек без необходимости не выставляет себя напоказ личностями, считающими себя публичными. И, несомненно, это не для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство или мое тщеславие, если я сейчас насилую свои чувства и говорю несколько слов, касающихся меня самого. Я делаю это, чтобы обезоружить, если смогу, предубеждение против ее язвительности; и таким образом привлечь внимание даже предубежденных; а также познакомить моих читателей с тем, что они беседуют на подобную тему с человеком, которого обстоятельства и образование счастливо уберегли от излишеств и расточительных ассоциаций.

Все те, кто близко знаком с жизнью и личными привычками автора этого небольшого трактата, засвидетельствуют, что то, что он сейчас излагает, является буквальной правдой. Он был обязан своим родителям привычкой к строжайшей умеренности — некоторые назвали бы это воздержанностью — во всем. Он никогда, ни в коем случае, по привычке не употреблял крепкие спиртные напитки, вино или другие крепкие напитки любого вида: в последнее время он даже не употреблял животную пищу. Ему никогда в жизни не случилось заходить в публичный дом и общаться, даже на вечер, с теми бедными, несчастными жертвами, которых жестокие, но терпимые человеческие пороки, а иногда и их собственные ничего не подозревающие или неуправляемые чувства обрекли на страдания и деградацию. Он никогда не искал общества, кроме интеллектуального и уважающего себя другого пола, и у него нет никаких ассоциаций, связанных с именем женщины, кроме ассоциаций уважения и привязанности. По сей день он даже по-девичьи чувствителен к грубым и непристойным шуткам, которыми молодые люди считают остроумным потворствовать в ущерб сексу, который они не могут оценить. Доверием, которым женщины, возможно, оказывали ему честь, он никогда эгоистично не злоупотреблял; и в данный момент у него нет ни единого проступка, в котором можно было бы упрекнуть себя по

отношению к полу, который он считает равным мужчине во всех чертах характера и превосходящим его в великодушии, бескорыстии и моральных достоинствах.

Я проверяю свою ручку. Возможно, я сказал достаточно, чтобы пробудить доверие тех, чьим доверием я дорожу; и, несомненно, достаточно, чтобы вызвать насмешки или иронию того, кто идет по жизни, завернувшись в плащ соответствия, и смеется среди своих личных приятелей над щепетильностью каждого новичка, который, подобно ему самому, не будет рассматривать разврат и соблазнение (втайне) как мужественные и энергичные развлечения.

А теперь, читатель! если мне удалось пробудить ваше внимание и привлечь к этому исследованию ваш разум и ваши лучшие чувства, обсудите со мной тему— наиболее интересную и важную для вас - для меня - для всех наших собратьев. Читатель! если ты женщина, забудь, что я мужчина: если мужчина, слушай меня, как брата. Давайте поговорим не как мужчины и не как женщины, а как человеческие существа, с общими интересами, инстинктами, желаниями, слабостями. Давайте поговорим, если это возможно, без предубеждений и без страсти. Читатель! каким бы ни был ваш пол, секта, ранг или партия, к вам я бы сейчас, прежде чем начать, обратился с увещанием поэта — здесь оно применимо гораздо строже, чем в исследовании, к которому он его применил:

“Уйди! мир отгородился: твои мысли зовут домой.

Воздушное крыло воображения подавляет.

Запри свои чувства; не позволяй страсти пробудиться;

Образуйте всех; позвольте ей править в одиночку”.

ГЛАВА II. ИЗЛОЖЕНИЕ ПРЕДМЕТА.

Среди человеческих инстинктов, способствующих сохранению человека и его благополучию, инстинкт размножения занимает особое место. Он населяет землю; он сохраняет вид. Контролируемый разумом и обуздываемый добрыми чувствами, он придает социальному общению большую часть его очарования и пикантности. Направляемый эгоизмом или управляемый силой, он порождает страдания и деградацию. Мудро или неразумно направленный, он оказывает влияние на главный принцип, который окрашивает, ярко или мрачно, большую часть судьбы человека.

Иногда об этом говорят как о низкой и эгоистичной склонности; а Шейкеры называют это “плотской страстью”.^[7] Я не вижу ничего в самом инстинкте, что заслуживало бы таких эпитетов. Как и другие инстинкты, он может принимать эгоистичный, корыстный или жестокий характер. Но сам по себе он представляется мне наиболее социальным и наименее эгоистичным из всех наших инстинктов. Нам свойственно дарить удовольствие, даже получая его; и среди культурных существ первая способность ценится еще выше, чем вторая. Возможно, ни один из наших инстинктов не дает большего простора для проявления бескорыстия или более подходящей игры лучшим моральным чувствам нашей расы. Никто не порождает отношений

более нежных, более гуманизирующих и располагающих к себе; никто не лежит более непосредственно в основе самой доброй благотворительности и самых щедрых порывов, которые чтят и благословляют человеческую природу. Само его могущество, действительно, придает фатальную силу его отклонениям; подобно тому, как воды самой спокойной реки, будучи перегружены или вытеснены из своего русла, затопляют и разоряют страну; но мягкое течение и оплодотворяющее влияние ручья являются подходящими символами инстинкта, когда ему позволено, не нарушаемое силой или страстью, следовать по своему собственному спокойному руслу.

То, что о таком инстинкте следует думать и говорить как о низкой, эгоистичной склонности, и, как таковое, что обсуждение его природы и последствий должно быть почти запрещено в так называемом приличном обществе, является для меня доказательством расточительности века и нечистоты псевдоцивилизованного разума. Я полагаю, что если бы все мужчины и женщины были обжорами и пьяницами, они бы точно так же стыдились говорить о диете или воздержании.

Будь я оптимистом и, как таковой, если бы я привык оценивать устройство природы и восхищаться им, я был бы склонен выдвинуть в качестве одного из самых замечательных положений то устройство, согласно которому умеренное выполнение требований этого, а также почти всех других инстинктов доставляет удовольствие. Желание иметь потомство, вероятно, побудило бы нас сохранить вид, хотя с этим актом не было связано никакого удовлетворения. Таким образом, выражаясь языком оптимиста, “удовольствие добавляется безвозмездно”. Но вместо того, чтобы остановиться и восхититься приготовлениями и намерениями, великим целым, которое человеческий разум, кажется, мало способен оценить или постичь, я довольствуюсь замечанием, что само это обстоятельство (само по себе, несомненно, удачное, поскольку оно добавляет еще одно к источникам человеческого счастья) часто было причиной несчастья; и из благословения оно превращалось в проклятие. Наслаждение привело к избытку, а иногда и к тирании и варварской несправедливости.

Если бы инстинкт размножения был отключен от удовольствия любого рода, он не позволял бы получать удовольствие и не допускал злоупотреблений. Как бы то ни было, инстинкт восприимчив и к тому, и к другому; точно так же, как мудрость или невежество управляют человеческими законами, привычками и обычаями. Поэтому нам надлежит быть особенно осторожными в его регулировании, иначе то, что является великим благом, может стать для нас великим злом.

Этот инстинкт, таким образом, можно рассматривать в двояком свете; *во-первых*, как дающий способность к размножению; *во-вторых*, как доставляющий удовольствие.

И здесь, прежде чем я продолжу, позвольте мне напомнить читателю, что в компетенции разумных существ строго учитывать ПОЛЕЗНОСТЬ. Разум так же мало признает романтические и неземные грезы стоицизма, как и доктрины разрушающего здоровье и разрушающего разум разврата. Она в равной степени осуждает презрение и злоупотребление удовольствиями. Она призывает нас избегать аскетизма, с одной стороны, и излишеств - с другой. Итак, пусть во всех наших исследованиях нами руководит разум, а ПОЛЕЗНОСТЬ пусть будет нашей полярной звездой.

У меня часто бывали долгие споры с моими друзьями, Шейкерами,^[8] касаясь двоякого аспекта, в котором можно рассматривать репродуктивный инстинкт. Обычно они решительно выступают против того, чтобы рассматривать его иначе, как средство сохранения вида; и, кроме того, они отрицают, что его можно рассматривать как законный источник наслаждения. В этом я с ними полностью не согласен. Это гораздо более благородный, поскольку менее чисто эгоистичный инстинкт, чем голод или жажда. Это инстинкт, который переплетается с самыми теплыми чувствами и наилучшими привязанностями сердца; и хотя он отличается от голода и жажды тем, что может оставаться неудовлетворенным, не вызывая смерти. Мне еще предстоит узнать, что, поскольку это *возможно*, следовательно, также *желательно* умерщвлять и подавлять это. Я признаю, перед Шейкерами, что в мире, расточительном и лицемерном, каким мы его видим, этот инстинкт является источником бесконечных страданий; возможно, даже, в целом, *баланса* несчастий: и я всегда открыто признаюсь им, что если бы мне пришлось выбирать между жизнью расточительного мирского человека и жизнью аскета-шейкера, я бы, ни минуты не колеблясь, предпочел последнее. Но признать, что самый социальный и добрый из человеческих инстинктов сам по себе является чувственным и унижающим достоинство, я не могу. Я считаю его влияние нравственным, очеловечивающим, шлифующим, благотворным; и что социальное воспитание ни одного мужчины или женщины не может быть полностью завершено без него. Его умерщвление (хотя и гораздо менее вредно, чем его избыток) все же очень вредно. Если это не порождает раздражительность, или меланхолию, или зарождающуюся болезнь, или неестественные поступки, то, по крайней мере, почти всегда замораживает и закаляет характер, сдерживая поток его самых добрых эмоций; и нередко придает ему одинокий, антисоциальный, эгоистичный оттенок.

Таким образом, я отрицаю позицию Шейкера, согласно которой инстинкт оправдан (если он вообще существует) только как необходимый для воспроизводства вида. На мой взгляд, это оправданно, только в той мере, в какой это делает человека счастливее и совершеннее. Это оправдано и как источник умеренного удовольствия, и как средство, с помощью которого полы могут взаимно шлифовать и улучшать друг друга.

Если Шейкер уже прочитал мою маленькую книжку и не может смириться с этой идеей, он может сразу же закрыть ее. Я нашел все свои аргументы в пользу того, что удовольствие, получаемое от этого инстинкта, независимое и полностью отличное от его конечной цели, воспроизводства нашей расы, является хорошим, правильным, достойным обеспечения и наслаждения. Я утверждаю, что умеренное наслаждение им является благословением как само по себе, так и по своему влиянию на человеческий характер.

От этого разделения инстинкта на его двоякий характер зависит главный момент настоящего обсуждения. Иногда случается, нет, это случается каждый день и час, что человечество повинуетя своим импульсам, не из какого-либо расчета последствий, а просто из животного порыва. Таким образом, многие дети, появляющиеся на свет, обязаны своим существованием не сознательной убежденности своих родителей в том, что их рождение было действительно желанным, а просто неразумному инстинкту, которому люди в массе своей не научились ни сопротивляться, ни контролировать.

Это серьезный вопрос — и, несомненно, чрезвычайно правильный и важный — может ли человек получить контроль над этим инстинктом и приносит ли ему пользу это получение. Желательно ли, чтобы это никогда не удовлетворялось без увеличения численности населения?

Или желательно, чтобы, удовлетворяя его, человек мог сказать, будет ли результатом потомство или нет?

Чтобы удовлетворительно ответить на вопросы, было бы необходимо обосновать, что такой контроль может быть достигнут без малейшего ущерба для физического здоровья или насилия над моральными чувствами; а также, что он должен быть достигнут без какой-либо реальной жертвы наслаждением; или, если это невозможно, с минимальными затратами, насколько это возможно.

Таким образом, я ясно изложил суть дела. Как могут заметить мои читатели, это сводится к двум различным аспектам: во-первых, к *желательности* такого контроля; и, во-вторых, к его *возможности*.

Обсуждая его желательность, я вступаю в широкую область — область, часто проходимую политэкономистами, моралистами и философами, хотя, как правило, следует признать, без особой цели. В значительной степени это может быть связано скорее с их страхом, чем с их невежеством. Мир не позволил бы им сказать то, что они знали. Я намереваюсь, чтобы мои читатели узнали все, что я знаю по этому вопросу; ибо я уже давно перестал просить разрешения у мира говорить то, что я думаю, и то, что, по моему мнению, полезно для общества.

Я предлагаю начать с рассмотрения вопроса абстрактно, а затем рассмотреть его в его политическом и социальном аспекте.

ГЛАВА III. ВОПРОС, РАССМОТРЕННЫЙ В АННОТАЦИИ.

Желательно ли само по себе, чтобы человек получил контроль над инстинктом размножения, чтобы определять, когда его удовлетворение приведет к появлению потомства, а когда нет?

Но здравого смысла так мало, и различные детские суеверия пронизывают мнения и затрудняют исследования даже в загробной жизни, — если бы не это, самой постановки вопроса было бы достаточно, чтобы получить на него согласие каждого разумного существа. Ничто так не возвышает человека над грубым созданием, как власть, которую он получает над своими инстинктами. Низшее животное следует им слепо, бездумно. Змея объедается; бык дерется, даже насмерть, со своим соперником на пастбище; собака ведет смертельную войну за кость. Они ничего не знают о прогрессивном совершенствовании. Слон или бобр девятнадцатого века столь же мудры, но не мудрее, чем слон или бобр двухтысячелетней давности. Только человек обладает силой улучшать, культивировать, возвышать свою природу из поколения в поколение. Только он может контролировать свои инстинкты, размышляя о последствиях, и регулировать свои страсти с помощью заповедей мудрости.

Странно, что даже в этот период развития мира мы должны напоминать друг другу, что *все* знание фактов полезно; или, по крайней мере, не может быть вредным. Знание некоторых фактов может быть неважным; незнание ни одного из них не приносит вреда. Человек — марионетка, раб, если его невежество должно служить гарантией его добродетели. И мы не

будем знать, на чем остановиться, если будем следовать этому принципу. Будем ли мы давать нашим сыновьям уроки механики? но они могут таким образом научиться взламывать замки. Будем ли мы учить их читать? но таким образом они могут получить доступ ко лжи и безрассудству. Должны ли мы проинструктировать их письменно? но они могут стать фальсификаторами.

Таковы, по сути, были рассуждения людей в темные века. Когда Вальтер Скотт вкладывает в уста лорда Дугласа по поводу раскрытия предательства Мармион следующее восклицание, оно строго соответствует духу и преобладающим мнениям того времени:

“Письмо подделано! Святой Иуда, спешу!

Совершал ли когда-нибудь рыцарь столь подлый поступок!

Сначала в глубине души мне это не понравилось,

Когда король похвалил его мастерство клерка.

Спасибо святому Ботану, моему сыну,

За исключением Гавейна, никто не смог бы написать ни строчки:

Так клялся я, и так клянусь до сих пор,

Пусть мой мальчик бишоп побеспокоится досыта.

Но прошли те времена, когда невежество могло быть залогом добродетели. *Единственным* каменным основанием добродетели является знание. Ни в физике, ни в морали нет *ни одного* факта, который следовало бы скрыть от пытливого ума. Пусть тот родитель, который думает обеспечить честность своих сыновей или невиновность своих дочерей, скрывая от них факты, — пусть этот родитель знает, что он строит их мораль на песчаном фундаменте. Дожди и наводнения мирового влияния сокрушат эту добродетель, и велико будет ее падение.

Таким образом, если человек может получить контроль над этим важнейшим из инстинктов, то, *в принципе*, правильно, что он должен это знать. Если люди, получив такое знание, считают нужным не использовать его; если они считают более благородным и добродетельным следовать каждому животному импульсу, подобно полевым зверям и птицам небесным, не думая о его последствиях или не исследуя его природу, — тогда пусть они делают это. Знание того, что у них есть сила действовать больше как разумные существа, не повредит, если это не принесет им пользы. Они совершенно свободны отложить это в сторону, пренебречь этим, забыть об этом, если смогут. Только пусть они проявят достаточно здравого смысла, чтобы позволить другим, которые медленнее берут на себя священную ответственность и более охотно уступают разуму контроль над инстинктом, получить необходимые знания и следовать своим благоразумным решениям.

Если бы эта маленькая книжка была в руках каждого взрослого в Соединенных Штатах, никому не понадобилось бы извлекать из нее пользу, если только он не сочтет нужным. И ни один мужчина не признает, что это может причинить ему вред. О нет. *Его* добродетель может нести любое количество света. Но ведь это дом его соседа, или его сына, или его дочери!

Это привело бы меня к обсуждению *социальных последствий* данного вопроса. Но, чтобы представить себе это более последовательно, я сначала расскажу об этом в связи с политической экономией.

ГЛАВА IV. ВОПРОС В ЕГО СВЯЗИ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ.

Демографический вопрос, как его еще называют, в последние годы привлекает большое внимание, особенно в Великобритании. Впервые она была широко выдвинута и обсуждена в двух больших томах Мальтусом, английским священником. Годвин, Рикардо, Томпсон, Плейс, Милль и другие знаменитые современные писатели - все они обсуждали это с большей или меньшей сдержанностью и более или менее пространно.

Работа Мальтуса стала учебником крупной политико-экономической партии в Англии. Его доктрина заключается в том, что *“население безудержно будет выходить за рамки средств к существованию”*. Он утверждает, что в большинстве стран население в данный момент испытывает давление средств существования; и что во всех странах оно имеет тенденцию к этому. В качестве профилактики растущего зла он рекомендует соблюдать безбрачие до преклонного возраста, скажем, до тридцати лет; и он утверждает, что если не применять это “моральное ограничение”, порок, бедность и невзгоды будут и должны стать сдерживающими факторами для населения. Его книга, по моему мнению, принесла бесконечный вред. Я слышал, как его ученики открыто заявляли, что они считали преступления и убожество общественеобходимыми— явными указаниями Провидения, предназначенными для предотвращения перенаселения земли. Я слышал, как люди высокого положения, богатства и влияния утверждали, что различия между богатыми и бедными, и даже между моралью и безнравственностью, роскошью и нуждой будут и должны существовать до скончания мира; что тот, кто пытается устранить их, борется против Бога и природы; и, если он частично преуспее, это лишь даст человеческой расе возможность увеличиваться, пока земли больше не станет достаточно, чтобы содержать их, и они будут вынуждены охотиться друг на друга. Следует признать, что это удобная доктрина для богатого бездельника: это целебный бальзам для совести роскошного человека; опиум, заглушающий тихий голос истины и человечности, который призывает каждого человека встать и внести свой вклад в облегчение человеческих страданий, которые повсюду бросаются ему в лицо.

Бесполезно спорить с этими защитниками существующего зла о том, что день затоваривания далек. Они говорят вам, что это должно наконец наступить; и что чем больше вы будете делать для искоренения порока и нищеты — этих разрушителей населения, — тем скорее это наступит. И что можно ответить на этот абстрактный аргумент? Я полагаю, что доказано, что население без ограничений,^[9] будет удваиваться в среднем каждые двадцать пять-пятьдесят лет. Если это так, то для демонстрации очевидно, что, если население не сдерживать морально или безнравственно, земля в конце концов перестанет быть опорой для людей, которые будут ее населять.

Возьмем средний расчет естественного прироста и скажем, что население без ограничений будет удваиваться каждые *тридцатьтри с третьей* года. Несомненно, что это произошло (без учета увеличения эмиграции) во многих частях этого континента.

Тогда, если мы предположим, что нынешние многочисленные проверки населения, а именно. нужда, войны, порок и нищета устраняются национальной реформой, и если мы предположим, что нынешнее население мира составляет тысячу миллионов, мы обнаружим следующие темпы прироста:

Через 100	лет их будет 8000	миллионов.
----- 200	----- 64,000	=====
----- 300	----- 512,000	=====
----- 400	----- 4,096,000	=====
----- 500	----- 32,768,000	=====

И так далее, умножая на 8 каждые дополнительные сто лет. Так что через 500 лет людей будет более чем в *тридцать тысяч* раз больше, чем в настоящее время, а через 1000 лет - более чем в *тысячу миллионов* раз больше, чем в настоящий момент: следовательно, *одна единственная пара*, если допустить бесконтрольный рост, *за 1000 лет увеличит нынешнее население земного шара более чем вдвое*.

Таким образом, для демонстрации представляется очевидным, что НЕЛЬЗЯ допустить безудержного увеличения численности населения более чем на несколько сотен лет. Таким образом, мы вынуждены признать Мальтуса, что*рано или later, some restraint or other to* population *должны* быть применены те или иные меры сдерживания населения; и вынуждены признать его учеников-аристократов, что если нельзя найти ничего лучшего, чем порок и нищета, то *порок и нищета должны быть*; это удел человека из поколения в поколение.

Позвольте мне повторить: вопрос не стоит — и никогда не может быть поставлен — о том, следует ли ограничивать численность населения или нет. ДОЛЖНО быть; если только мы действительно не найдем средства посещать другие планеты, чтобы заселить их. По природе вещей, должна быть какая-то проверка, в какой-то момент. *Единственный* вопрос заключается в том, каким должно быть это сдерживание — будь то, как до сих пор, сдерживание войной, нуждой, расточительством, нищетой; или “моральное ограничение”, санкционированное разумом и подсказанное опытом.

Тогда пусть скажут тем, кто протестует против этого небольшого трактата, что, хотя они могут отложить этот вопрос, никакая человеческая сила не может уклониться от него. Это должно произойти. Если бы друзьям реформ предоставили самим выбирать время, это могло бы, возможно, с выгодой для себя, быть отложено. И можно себе представить, что предрассудки могут отсрочить это до тех пор, пока всеобщий голод или всеобщая гражданская война не станут страшными препятствиями. Но будет ли какой-нибудь здравомыслящий человек спорить о целесообразности приближения такого кризиса?

Мальтус видел это. Он видел, что должен существовать какой-то сдерживающий фактор; и, что бы ни позволяли себе говорить некоторые из его учеников, он не хотел, чтобы его считали

апологетом порока и нищеты. Его теория, действительно, снабжала благовидными аргументами тех, кто утверждал вместе с гениальным автором "Басни о пчелах",^[10] что "частные пороки являются общественным благом"; и, как следствие, ее тенденция представляется по сути аристократической и *деморализующей*, поскольку она приводит к бездейственному удовлетворению порочным и унижающим достоинство порядком вещей. Но сам Мальтус заявляет, что единственным надлежащим ограничением является общая практика безбрачия до глубокой старости. Он использует все свое красноречие, чтобы убедить мужчин и женщин, что им не следует вступать в брак до двадцати восьми или тридцати лет; и что, если они это делают, они вносят свой вклад в несчастье мира.^[11]

Теперь мистер Мальтус может вечно проповедовать на эту тему. Действительно, могут найтись люди, которые будут смотреть на отдаленные последствия и пожертвуют нынешним наслаждением; подобно тому, как отдельные люди становятся и остаются дрожащими квакерами: но верить в то, что масса человечества на протяжении десяти прекраснейших лет жизни откажется от самых близких и дорогих социальных отношений; и во время самого праздника существования будет жить жизнью монахов и монахинь — и все это для предотвращения катастрофы, которая, по общему признанию, отдалена на несколько сотен лет, — верить в это требует веры, которой не обладает ни один точный наблюдатель за человечеством.

Это слабое место аристократические толкователи доктрин Мальтуса не замедлили обнаружить. Они широко утверждали, что такое "моральное ограничение" никогда не будет широко практиковаться. Они спросили, откажется ли молодая женщина, которой были предложены уютный дом и приятный собеседник, принять их, исходя из этой теории народонаселения; обрек ли бы себя на безбрачие молодой человек, у которого была бы прекрасная (или даже очень безразличная) перспектива содержать семью, чтобы мир не был перенаселен. И они обратились к сторонникам поздних браков с вопросом, не приведет ли рекомендация, по крайней мере для одного пола, если даже номинально ей будут следовать, почти наверняка к порочным излишествах и унижительным связям; таким образом, наконец-то разрешив проблему порока и нищеты. Если бы опыт ответил на эти вопросы отрицательно, разве не было бы ясно (ликующе спросили бы они), что порок и несчастье - естественный удел человека; и что это донкихотство, если не нечестие, изводить себя из-за них или пытаться, подавляя их, оспаривать постановления Бога?

Великодушным чувствам было очень легко ответить на столь бессердечный аргумент. Легко было спросить, служит ли даже очевидная безнадежность случая каким-либо законным извинением напускного безразличия; или же, если мы не можем вылечить, мы освобождены от обязанности облегчать боль. Но было не очень легко полностью и справедливо ответить на этот вопрос. Было бы напрасно отрицать, что проповедь не отсрочит вступление в брак на десять лет: и если нельзя было предложить никаких других видов моральных ограничений, кроме десятилетнего шейкеризма, то казалось достаточно очевидным, что массы будут пренебрегать моральными ограничениями и что в игру, наконец, должны вступить физические ограничения порока и нищеты.

В таком случае я прошу моих читателей внимательно присмотреться к тому, как обстоит дело. Население, безудержно, *должно* увеличиваться сверх того, что может прокормить земля и ее продукты. В настоящее время это сдерживается пороком и нищетой. Единственное средство,

которое ортодоксальность английского священника позволяет ему предлагать, - это поздние браки. Наиболее просвещенные наблюдатели человечества согласны с тем, что ничто так положительно и незамедлительно не способствует деморализации нации, как когда ее молодежь воздерживается до более позднего периода от установления бескорыстных связей с представителями другого пола. Ужасающий рост числа проституток, разрушение здоровья, быстрое распространение невоздержанности, разрушение нравственных чувств являются для массы *определенными* последствиями. Есть люди, которые избегают заразы; люди, чьи лучшие чувства восстают под *любым* искушением против корыстных объятий или цирковой чаши опьянения; но это только исключения. У массы должны быть свои удовольствия; удовольствия интеллектуального общения, неискупленной привязанности, хорошего вкуса и добрых чувств, если они могут; но если они не могут, то такое удовольствие (увы! этот язык должен быть извращен, чтобы дать им право на такое название!), поскольку это можно приобрести за пожертвования деньгами и разрушение тела и разума.^[12]

Но это еще не все. Предложение Мальтуса не только чревато безнравственностью, поскольку оно относит к позднему возрасту бескорыстные сексуальные связи, которые одни могут спасти молодежь от порока, но *иневыполнимо*. Мужчины и женщины едва ли остановятся, чтобы подсчитать свои шансы обеспечить поддержку своим детям до того, как они станут родителями: как же тогда они должны останавливаться, чтобы подсчитать шансы на перенаселение мира? Мальтус может говорить все, что ему заблагорассудится, они никогда не сделают никаких подобных расчетов; и глупо ожидать, что они это сделают.

Тогда давайте понаблюдаем: *если не будут введены какие-то менее аскетичные и более практичные виды “моральных ограничений”*, порок и несчастье в конечном счете станут неизбежным уделом человека на земле. Он не может избежать их больше, чем солнечного света или смертельного удара.

Какое это подстрекательство к продолжению нашего расследования! Здесь изложен принцип, который является чем угодно, кроме извинения за апатию, царящую среди богатых и могущественных - среди губернаторов и законодателей — в отношении совершенствования человека. Как важно, как существенно для интересов добродетели, чтобы это было опровергнуто! Как благотворно это знание, которое открывает нам некую моральную, практически осуществимую преграду населению и избавляет нас от безысходного вывода о том, что безвозвратный удел человека - это страдание, от которого нет лекарства и которому нет конца! В отсутствие таких знаний перспективы мира действительно были мрачными и безрадостными. Современная доктрина народонаселения тяготеет, как заклинание, над проявлениями благотворительности и охлаждает, почти до бездействия, даже горячее сердце милосердия. Сама филантропия останавливается, когда она начинает опасаться, что все ее усилия приведут к безнадежному разочарованию. И все же — таков этот мир — даже самые способные противники Мальтуса останавливаются, когда доходят до вопроса, и оставляют без ответа аргумент, который можно было бы навсегда прекратить на дюжине страниц.

Пусть один из самых умных из этих оппонентов, человек великолепного и незаурядного таланта — пусть Милль, знаменитый политический экономист и талантливый автор “Британской Индии”, скажет сам за себя.

Я извлекаю из статьи “Колония” в приложении к Британской энциклопедии, принадлежащей перу Милля, следующий абзац:

“Каковы наилучшие средства сдерживания демографического прогресса, когда он не может продолжаться безудержно, не вызывая того или иного из двух наиболее нежелательных последствий, либо привлекая чрезмерную часть населения к простому выращиванию продуктов питания, либо порождая бедность и убожество, сейчас не время для выяснения. *Это, действительно, самая важная практическая проблема, к решению которой может быть применена мудрость политика и моралиста.* До сих пор этого прискорбно избегали все те, кто касался этой темы, а также те, кто был призван в силу своего положения найти средство от зла, с которым она связана. И все же, *если пренебречь детскими суевериями и неуклонно придерживаться принципа полезности,* найти решение было бы не так уж трудно; и средство иссушения одного из самых обильных источников человеческого зла — источника, которого, *если убрать все другие источники, могло бы быть достаточно, чтобы удерживать огромную массу людей в нищете,* можно было бы считать не сомнительным и трудным в применении”.

Пусть мои читатели помнят, что это из-под пера одного из самых справедливо почитаемых писателей современности; человека, прославленного во всей Европе своими работами по политической экономии, и чьи труды небезызвестны даже по эту сторону Атлантики. Он считает, что обсуждаемый сейчас вопрос затрагивает “самую важную проблему, к решению которой может быть применена мудрость политика и моралиста”. Он признает, что от этого вопроса всегда “жалко уклонялись”. И все же даже такой влиятельный и просвещенный человек, как Милль, должен сам поддаться слабости, которую он порицает; должен говорить притчами, как это делал назаретский реформатор до него; и, даже комментируя “жалкое уклонение” от темы, столь захватывающе важной, должен имитировать то самое уклонение, которое он презирает.

Я не буду этому подражать. Я занимаю более независимую позицию, чем английский экономист; и я вижу, так же ясно, как и он, чрезвычайную важность предмета. То, что он увидел и заявил, *должно* быть сказано, я скажу.

Прежде чем завершить эту главу, позвольте мне четко заявить, что я ни в коей мере не согласен с Мальтусом и другими политэкономистами в том, что на данный момент наблюдается фактический избыток населения ни в одной стране (возможно, за исключением Китая) известного мира. Я верю, что в каждой стране Европы более чем достаточно земли, чтобы прокормить в совершенном комфорте всех ее нынешних жителей. То, что они не обеспечены комфортом, на мой взгляд, объясняется не перенаселением, а неправильным управлением. Монополии благоприятствуют богатым, налоги угнетают бедных, коммерческое соперничество превращает свои жертвы в пыль. Именно к таким причинам, а не к перенаселению, *в настоящее время* следует отнести массовые бедствия (которые в большей или меньшей степени ощущаются во всем цивилизованном мире). Таким образом, если бы враги реформ оставили нас в покое, мы могли бы надолго отложить обсуждение других, более важных вопросов, касающихся народонаселения. Но они этого не сделают. Они *навязывают* нам это. И хотя навязывание этого без необходимости или преждевременно общественности могло бы свидетельствовать о недостатке здравого смысла, было бы проявлением трусости уклоняться от этого сейчас, когда оно навязано нам.

Кроме того, хотя нельзя отрицать, что несправедливые законы и порочный порядок вещей часто приводят к результату, который ложно приписывается перенаселению, все же столь же

неоспоримо, что самая совершенная система законов в мире не смогла *конечном счете* предотвратить зло, порождаемое переизбытком населения. И не менее несомненно, что в то же время давление большой семьи на работающего человека значительно увеличивает зло и часто лишает его того самого досуга, который он мог бы использовать для разработки конституционных средств улучшения своего положения, вместо того чтобы оставлять общественные дела в руках политических спекулянтов. Таким образом, ответ на демографический вопрос предлагается как *облегчение* существующих зол, а не как *лекарство* от них. Население могло бы быть лишь вдвое меньше, чем сейчас, а несправедливое законодательство и порочные обычаи все равно порождали бы, как и сейчас, роскошь и нужду. Законы и обычаи должны быть, *должны* быть изменены; но пока растет трава, давайте не дадим лошади умереть с голоду, если сможем.

Вероятно, в этой главе было сказано достаточно, чтобы решить вопрос о том, *желательно* политической точки зрения искать и раскрывать некий контроль над населением — некие “моральные ограничения”, которые не должны, подобно пороку и нищете, деморализовывать, а также, подобно поздним бракам, не должны быть аскетичными и невыполнимыми.

ГЛАВА V. ВОПРОС, РАССМАТРИВАЕМЫЙ В ЕГО СОЦИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ.

Это, безусловно, самая важная часть вопроса. Бедствия, вызванные перенасыщением мира, если даже они неизбежны, далеки; и абстрактный взгляд на предмет, каким бы неопровержимым он ни был, не приходит в сознание с силой детализированной реальности.

Каким был бы вероятный эффект в социальной жизни, если бы человечество получило контроль над инстинктом размножения и осуществляло его?

Я твердо убежден — и я готов защищать его, — что эффект был бы благотворным, нравственным, цивилизующим; что это предотвратило бы множество преступлений и еще больше несчастий; что это уменьшило бы неводержанность и расточительность; что это отшлифовало бы манеры и улучшило моральные чувства; что это облегчило бы бремя бедных и заботы богатых; что это принесло бы наибольшую пользу подрастающему поколению, позволив родителям, как правило, более тщательно воспитывать своих отпрысков и с большим комфортом обеспечивать их потомство. Я продолжаю, насколько могу, обосновывать эти позиции.

И сначала давайте обратимся исключительно к положению состоящих в браке людей. Разве не печально известно, что семьи состоящих в браке людей часто расширяются сверх того, чего требовало бы уважение к молодым существам, приходящим в мир, или счастье тех, кто дает им жизнь? В скольких случаях трудолюбивый отец, и особенно мать, из бедной семьи, остаются рабами на протяжении всей своей жизни, таща весло непрестанного труда, трудясь, чтобы жить, и живя только для того, чтобы умереть; тогда как, если бы их отпрыски были ограничены двумя или тремя детьми, они могли бы наслаждаться комфортом и сравнительным достатком! Как часто здоровье матери, рожающей каждый год по младенцу, — счастливое, если это не близнецы! — и вынужденный продолжать трудиться, даже в те времена, когда природа властно

требует некоторого облегчения от повседневной рутины, — как часто комфорт, здоровье, нет, сама жизнь матери приносятся таким образом в жертву! Или, если заботы и тяжелый труд отягощают дух и в конце концов подтачивают здоровье отца, как часто вдова остается неспособной при самых добродетельных намерениях спасти своих сирот от превращения в опустившихся объектов милосердия или распутных приверженцев порока!

Отцы и матери! не вы, у кого есть детская и няньки, и кто оставляет своих детей дома, чтобы они посещали многолюдные рауты или блистали в жарком бальном зале; но вы, трудом чьих рук будут жить ваши дети, и кто, подсчитывая их растущее число, вздыхает при мысли о том, как скоро болезнь или несчастье могут уменьшить ту заработную плату, которой сейчас едва хватает, чтобы прокормить их — отцов и матерей в скромной жизни! для вас мой аргумент звучит убедительно, с силой реальности. Другие могут оспаривать — могут высмеивать его. По горькому опыту вы знаете и чувствуете его истинность.

Скажут, что правительство должно обеспечивать поддержку и образование всех детей страны. Никто не менее склонен отрицать эту позицию, чем я. Но это не поддерживает и не воспитывает их. И если бы это произошло, то, наконец, должен был наступить период, когда даже такой акт правосудия не стал бы избавлением от зла перенаселения.

Но это еще не все. Каждый врач знает, что многие женщины устроены так, что не могут родить здоровых, а иногда и *неживых* детей. Желательно ли — это *морально*, - чтобы такие женщины забеременели? И все же это происходит постоянно, несмотря на предупреждения врачей об обратном. Есть и другие, которым никогда не следовало бы становиться родителями, потому что, если они и становятся, то только для того, чтобы передать своему потомству тяжелые наследственные заболевания; возможно, самое страшное из заболеваний - безумие. И все же они не будут вести жизнь безбрачия. Они женятся. Они становятся родителями, и мир страдает от этого. То, что человек должен рожать ребенка, зная, что он передает ему наследственное заболевание, является, на мой взгляд, безнравственностью. Но глупо ожидать, что мы когда-либо сможем побудить всех таких людей жить жизнью Шейкеров. В этом нет необходимости: все, чего требует от них долг, - это воздерживаться от того, чтобы становиться родителями. Кто может оценить благотворное влияние, которое рациональные моральные ограничения могут, таким образом, оказать на здоровье, красоту и физическое совершенствование нашей расы в будущих поколениях?

Но, помимо этих последних соображений, разве не является самым очевидным, четким и неопровержимым *пожелание*, чтобы родители *имели право*¹³. Возможно, можно возразить, что все женатые люди уже обладают этой властью, поскольку они не более обязаны становиться родителями, чем неженатые; они могут жить так, как живут братья и сестры среди Шейкеров. Но это средство, во-первых, как правило, совершенно неосуществимо; и, во-вторых, оно охладило бы и озлобило семейную жизнь, даже если бы было осуществимо.

ограничивать своих отпрысков, хотя бы они этого или нет? Кто *может* проиграть, получив такую власть? и сколько *могут* выиграть! могут обрести компетентность для себя и возможность бережно воспитывать и обеспечивать своих детей! Многие ли *могут* избежать раздражения, ссор, беспорядка, беспокойства, которые слишком часто вызывает разросшаяся семья в домашнем кругу?

Иногда случается, что отдельные примеры воздействуют на чувства с большей силой, чем любые общие рассуждения. В этом месте я приведу одно из них, которое непосредственно попало мне в поле зрения.

В июне 1829 года я получил от пожилого джентльмена первой респектабельности, занимающего общественное положение в одном из западных штатов, письмо с просьбой узнать, могу ли я предоставить какую-либо информацию или совет по делу, которое его очень интересовало и касалось молодой женщины, к которой он когда-либо испытывал отцовские чувства. В объяснение обстоятельств, на которые он ссылался, он приложил ко мне копию письма, которое она только что написала ему и которое я здесь дословно переписываю. Я никогда не читал письма, более трогательного по своей простоте или более поразительно иллюстрирующего печальную ситуацию, в которой оказывается не один человек, а тысячи в супружеской жизни.

Л***, Кентукки, 3 мая 1829 года.

Уважаемый сэр,

Дружба, которая существовала между вами и моим отцом с тех пор, как я себя помню; искренняя доброта, которую вы проявляли ко мне, когда жили по соседству в моем детстве; живая забота, которую вы, казалось, всегда испытывали о моем благополучии, а также ваша доброжелательность и либеральный характер побуждают меня в нескольких словах описать вам мое критическое положение и попросить у вас доброго совета.

Мне выпал жребий соединиться узами брака с молодым механиком с трудолюбивыми привычками, добрым нравом, приятными манерами и приятными чертами лица, чрезмерно любящим наших детей и меня; короче говоря, в высшей степени способным сделать счастливым себя, семью и всех вокруг, если бы не преследующий его грех пьянства. Примерно раз в три-четыре недели, если он случайно или намеренно встречается с кем-нибудь из своих друзей, которых, настоящих или мнимых, его добродушие и щедрость приносят ему много, он обязательно напивается до потери рассудка; и, будучи таким образом вне себя, он торгует и заключает глупые сделки, что ставит себя и семью в настолько невыгодное положение, что он почти довел себя и семью до нищенства, поскольку больше не может содержать собственную лавку и вынужден работать в разъездах.

Мы женаты всего четыре года, а уже дали жизнь трем дорогим малышам. При нынешних обстоятельствах, чего я могу ожидать от их судьбы и от моей? Я содрогаюсь от открывающейся передо мной перспективы. С моим превосходным телосложением и трудолюбием, а также благодаря трудам моего мужа, я чувствую себя способной воспитать этих трех маленьких херувимчиков в приличии, если бы у меня больше ничего не было; но когда я серьезно обдумываю свое положение, я не вижу для меня другой альтернативы, кроме как порвать с человеком, который, хотя и пристрастился время от времени к алкоголю, пожертвовал бы своей жизнью ради меня; и которому, вопреки воле моего отца, я последовательно отказывала в руке и богатстве юриста и проповедника; или продолжать быть свидетельницей его деградации и создать, по всей вероятности, многочисленную семью священников, беспомощные и обездоленные дети, которые из-за бедности неизбежно должны быть обречены на жизнь в невежестве и, как следствие, на порок и нищету.

Ужасный приговор, вынесенный мне моим отцом за мое непослушание, запрещает мне обращаться к нему за советом или за чем-либо еще. Мой муж настроен несколько скептически, и мой отец приписывает его невоздержанность своей неверности; хотя мой брат, как вы знаете, будучи членом той же церкви, что и мой отец, тем не менее, хотя он и не разбазаривает свое имущество, он еще больший пьяница, чем мой муж, и принадлежит к числу верующих. Поэтому вы ясно увидите, что по этим и другим причинам я тем более нуждаюсь в вашем дружеском совете; и я надеюсь и верю, что вы дадите мне такой совет, как дали бы своей собственной дочери, окажись она в том же затруднительном положении, что и я. Поступая таким образом, вы добавите новые требования к благодарности вашего друга,

М. В.

Нужно ли мне добавить одно слово комментария по такому случаю, как этот? Каждый чувствующий разум должен быть тронут дружелюбием и здравым смыслом, которые пронизывают это письмо. Каждое разумное существо, несомненно, должно признать, что способность предотвратить увеличение семьи без ущерба или жертв при таких обстоятельствах является общественным благом и личным благословением.

Будет ли утверждаться — а я не знаю другого, хотя бы правдоподобного ответа на эти факты и аргументы, — будет ли утверждаться, что это само по себе аморально или неприлично? Я отрицаю это; и я указываю на население Франции в обоснование моего отрицания. Где вы найдете на земном шаре более утонченную или цивилизованную нацию, чем французы, или нацию, более щепетильно относящуюся к любой грубости или непристойности? Вы не найдете ни одного. Французы, как говорится, щепетильны в этих вопросах. И все же, как, должно быть, заметил каждый интеллигентный путешественник по Франции, среди среднего или высшего класса (и редко даже среди рабочего класса) едва ли можно встретить такое понятие, как большая семья; очень редко более трех или четырех детей, французская леди высшей деликатности и респектабельности скажет в обычной беседе так же просто (да, и так *женевинно*, что бы ни утверждала об обратном самодовольная ханжа), как она сделала бы любое обычное замечание о погоде: “У меня трое детей; мой муж и его жена”. Я думаю, что это все, к кому мы можем отдать должное, и я не намерен заводить еще кого-то”.^[14]

Я изложил общеизвестные факты, которые ни один путешественник, побывавший в Париже и видевший что-либо из домашней жизни его обитателей, не попытается отрицать. Каким бы неортодоксальным ни был мой взгляд на предмет в этой стране, я опираюсь в нем на мнение и практику самой утонченной и наиболее социально развитой нации в мире.

Будут ли по-прежнему утверждать, что подобная практика, если не грубая, то аморальная? Я снова обращаюсь к Франции. Я обращаюсь к деталям поздней славной революции — к бесчисленным примерам умеренности, мужества, честности, бескорыстия, великодушия, великодушия, проявленным в памятные “три дня” и с тех пор; и я оспариваю сравнение национального характера Франции в плане добродетели, а также вежливости с характером любой другой нации под небом.

Таким образом, очевидно, что для состоящих в браке лиц наиболее желательна возможность ограничивать своих отпрысков своими обстоятельствами. Часто это может способствовать гармонии, миру и комфорту в семьях; иногда это может спасти от банкротства и разорения, а иногда это может спасти мать от преждевременной смерти. Ни в коем случае это, по

возможности, не может быть хуже, чем излишество. *Ни в коем случае это не может быть вредно.*

Если бы нравственные чувства тщательно культивировались, если бы нас учили во всем руководствоваться скорее благополучием тех, кого мы любим, чем своим собственным, насколько сильно подействовали бы эти аргументы? Ни один мужчина не должен даже *желать*, чтобы женщина стала матерью его детей, если только это не было ее явным желанием и если он не знал, что это делается для ее блага. Ее чувства, ее интересы должны быть для него в этом вопросе *непреложным законом*. Именно она несет бремя, и поэтому за ней также должно оставаться решение. Конечно, вполне может возникнуть вопрос, желательно ли это и должен ли какой-либо мужчина просить, чтобы вся жизнь интеллектуальной, культурной женщины была потрачена на то, чтобы вынашивать семью из двенадцати или пятнадцати детей; возможно, к разрушению ее конституции, если не к перенасыщению мира. Ни один мужчина не должен требовать или ожидать этого.

Скажут ли мне, что это сама романтика морали? Увы! то, что должно быть предметом повседневной практики — обычное выполнение жизненных обязанностей и благотворительности — непреложный долг - пример домашней вежливости, слишком универсальный, чтобы вызывать замечания или заслуживать похвалы, — *увы!* что добродетель, столь скромная, что ее отсутствие должно быть расценено как преступление, должна, по нашему эгоистичному восприятию, казаться всего лишь утонченной утонченностью или причудливым преувеличением!

Но я перехожу от случая женатых людей к случаю молодых мужчин и женщин, которые еще не вступили в супружеские отношения.

В нынешнем состоянии мира, когда общественное мнение клеймит позором любую сексуальную связь, не получившую ортодоксального одобрения клятвы, почти все молодые люди, достигнув зрелого возраста, желают вступить в брак. Сердце должно быть очень холодным или очень изолированным, если не находит какого-то объекта, на который можно было бы излить свою привязанность. Таким образом, ранние браки были бы почти повсеместными, если бы не вмешались благоразумные соображения. Молодой человек думает: “Я пока не должен жениться. Я не могу содержать семью. Сначала я должен заработать денег, а потом думать о супружеском соглашении”.

И вот он начинает зарабатывать деньги, полностью и искренне решив через несколько лет поделиться ими с той, кого он сейчас любит. Но страсти сильны, а искушения велики. Любопытство, возможно, вводит его в общество тех бедных созданий, которых общество сначала низводит до зависимости от самого жалкого из корыстных ремесел, а затем проклинает за то, что они такие, какими оно их сделало. Там его здоровье и его моральные чувства терпят кораблекрушение. Привязанности, которые он думал беречь для своего первого объекта, охлаждаются распутством и притупляются избытком. В нем едва ли сохранилась страсть, кроме жадности. Проходят годы — годы расточительства и спекуляций - и его первое желание исполняется; он сколачивает состояние. Где теперь чувства и решимости его юности?

Как роса на горе,

Как пена на реке,

Как пузырьки на фонтане,

Они ушли — и навсегда!

Он человек удовольствий, светский человек. Он смеется над романтикой своей юности и женится на богатстве. Если яркие экипажи и веселые вечеринки приносят счастье, он счастлив. Но если это всего лишь солнечные блики на бушующем внизу океане, он жертва той системы морали, которая запрещает уважаемую связь до тех пор, пока не будет обеспечена большая ожидаемая семья. Если бы он женился на первом попавшемся объекте своего выбора и просто отложил бы отцовство до тех пор, пока его перспективы, казалось бы, не оправдали этого, насколько иначе могла бы сложиться его судьба! До тех пор, пока мужчины и женщины не избавятся от страха стать родителями, за исключением случаев, когда они сами этого захотят, они всегда будут вступать в корыстные и деморализующие связи и искать в распутстве счастья, которое они могли бы обрести в семейной жизни.

Я знаю, что это, каким бы распространенным ни было, не является универсальным случаем. Иногда на плечи семьи ложатся тяжелые обязанности, сопряженные с любым риском; и кто скажет, как часто следствием этого является жизнь, полная неустанного труда и бедности? Иногда — пусть даже редко — молодой ум все же придерживается своих первых решений. Юноша тащится сквозь годы холодного безбрачия и одиноких тревог; счастлив, если до того, как уйдут лучшие часы жизни и угаснут ее самые теплые чувства, он может вернуться, чтобы потребовать награды за свое терпение и трудолюбие. Но даже в этом сравнительно счастливом случае, будем ли мы считать напрасными годы аскетических жертвоприношений, которыми приобретается загробное счастье? Дни молодости не слишком продолжительны, а привязанности к ней не слишком продолжительны. Мы можем, действительно, если того требует великая цель, пожертвовать одним и умертвить другого. Но желательно ли это само по себе? Разве мудрость не говорит нам, что такая жертва — это невосполнимая потеря, часто тяжелая для людей с добрым сердцем? Разве мудрость не велит нам сдержанно наслаждаться весенней порой жизни, “пока не наступят злые дни и не приблизятся годы, когда мы скажем: ”Они не доставляют нам удовольствия”?”

Тогда, если угодно, скажем, что молодежь, которая таким образом жертвует настоящим ради будущего, мудро выбирает между двумя злами - распутством и аскетизмом. Это правда. Но давайте не будем воображать, что меньшее зло - это благо. Человеку не хорошо быть одному. Ни для счастья, ни для выгоды мужчины или женщины они не должны быть обречены на шейкеризм. Это насилие над чувствами и травма характера. Жизнь в строгом безбрачии, хотя и бесконечно предпочтительнее жизни в распутстве, все же чревата многими пороками. Раздражительность, беспокойство, смутные стремления и неустойчивость характера относятся к наименьшим из них. Ум неуравновешен, а суждения искажены. Даже сам инстинкт, который таким образом подавляется, приобретает чрезмерное значение и занимает часть мыслей, которая ему не принадлежит по праву или природе и которую он не получил бы при жизни, полной удовлетворенных чувств.

Я говорю сейчас не о крайних случаях, когда порок одиночества^[15] или болезнь, или даже безумие, были результатом аскетического умерщвления плоти. Я говорю о повседневных случаях; и я твердо убежден, что, (как бы мудро ни было в нынешнем состоянии мира выбирать и придерживаться этой альтернативы), все же ни один мужчина или женщина не могут жить жизнью добросовестного Шейкера, не страдая, в большей или меньшей степени, как

физически, так и умственно и морально. Об этом следует сожалеть еще больше, потому что самые благородные представители нашего вида — хорошие, чистые, благородно мыслящие и добросердечные - являются главными жертвами.

Таким образом, поскольку стеснение брать на себя тяжелую ответственность удерживает от формирования моральных уз и поощряет невоздержанность и проституцию, знание, позволяющее человеку ограничивать свое потомство, при нынешнем положении вещей спасло бы от многих несчастий и предотвратило многие преступления. Молодые люди, искренне привязанные друг к другу и, возможно, желавшие бы пожениться, женились бы рано, просто решив не становиться родителями до тех пор, пока это не позволит благоразумие. Молодой человек, вместо одинокого труда или вульгарного разгула, наслаждался бы обществом и помощью той, кого он выбрал себе в спутницы жизни; и лучшие годы жизни, удовольствия от которых никогда не возвращаются, не были бы растрачены впустую в разгуле или потеряны из-за унижения.

Мои читатели заметят, что все аргументы, которые я приводил до сих пор, строго применимы к нынешнему порядку вещей, а также к нынешним законам и системе брака. Поэтому никому не нужно быть моральным еретиком в этом вопросе, чтобы признать и одобрить их. Все законы о браке могли бы навсегда остаться такими, какие они есть; и все же моральная проверка населения была бы благотворной и важной.

Но, как будет сказано, есть и другие случаи, когда знание о такой проверке было бы вредным. Будут утверждать, что если бы молодые женщины были освобождены от страха последствий, они редко сохраняли бы свое целомудрие. Нелегалитизированные связи были бы обычным явлением и редко выявлялись. Было бы облегчено соблазнение. Давайте беспристрастно рассмотрим этот аргумент.

Я полностью согласен с этим самым любезным из моральных еретиков Шелли в том, что “Соблазнение, термин, который не мог бы иметь никакого значения в рациональном обществе, сейчас приобрело самый ужасный характер”.^[16] Не имеет значения, насколько искусственно наказание, которое общество выбрало для нарушения ее капризных указов. Общество имеет власть в своих собственных руках; и этот моральный Шейлок, Общественное мнение, применяет наказание, даже если это стоит жизни жертве. Таким образом, последствия для бедной страдалицы, чей проступок является, самое большее, ошибкой суждения или слабостью сердца, такие же, как если бы ее неосторожность действительно была преступлением самой черной масти. И его поведение, которое ради сиюминутного, эгоистичного удовлетворения намеренно обрекает на несчастную жизнь ту, чьей главной ошибкой, возможно, было ее неуместное доверие негодяю, ни на йоту не оправдывается глупостью и несправедливостью приговора.^[17] Какой-то поэт говорит,

“Мужчина, который поднимает руки на женщину

Если не считать доброты, это негодяй

Называть его трусом было бы грубой лестью”.

Какой же эпитет тогда принадлежит тому, кто считает своим ремеслом завоевать нежную привязанность женщины, обмануть ее великодушное доверие, а затем, когда последствия становятся очевидными, бросить ее на произвол судьбы и презрение холодного,

самодовольного и порочного мира; мира, который простит все, кроме восстания против своей тирании, и в глазах которого быть ничего не подозревающим и добросердечным кажется величайшим из преступлений! Я охотно подам рукугалерному рабу и буду говорить с разбойником с большой дороги как с честным человеком; но есть один персонаж, с которым я не желаю обмениваться ни словом, ни приветствием, - хладнокровный, обдуманный, опытный и расчетливый соблазнитель!

И позвольте мне спросить, что же придает искусству обольщения остроту и клеймит миру его жертву? Почему так получается, что мужчина выходит на свободу и снова входит в общество, за которым почти ухаживают и которому аплодируют за его предательство; в то время как женщина является меткой для перста упрека и прикладом для языка скандала? Потому что она несет на себе печать того, что называется ее позором. Она становится матерью; и у общества есть что-то осязаемое, против чего можно направить свои анафемы. По крайней мере, девять десятых страданий и разорения, к которым приводит соблазнение, даже при нынешнем состоянии общественного мнения по этому вопросу, являются результатом случаев беременности. Возможно, бесчувственный эгоизм того, кто боится стать отцом, вводит какое-нибудь ядовитое снадобье, чтобы добиться аборта; возможно — ибо даже такие сцены раскрываются нашими судами! — возможно, безумие несчастной матери лишает жизни ее младенца или ищет в самоубийстве завершения своих грехов и горестей! Или, если маленькое существо выживет, голубка в когтях сокола не более уверена в смерти, чем мы, возможно, в том, что общество посетит своими самыми горькими насмешками и упреками оскорбленный дух матери и бессознательную невинность ребенка.

Итак, если мы не можем сделать все, должны ли мы пренебречь частью? Если мы не можем предотвратить все несчастья, которые человеческий эгоизм и жестокость мира влекут за собой для пола, лелеять и защищать которые должно быть нашей гордостью и честью, давайте предотвратим столько, сколько сможем. Если мы не можем убедить общество отменить свою немужественную и *нехристианскую*^[18] преследование тех, кто часто является лучшими и нежнейшими из его членов — давайте, по крайней мере, дадим женщине ту защиту, которую мы можем, от его насилия.

Я обращаюсь к любому отцу, трепещущему за репутацию своего ребенка, с вопросом: не станет ли ее беременность ужасным осложнением, если ее принудят вступить в нелегальную связь? Я взываю к нему, не будет ли какое-либо невинное предупреждение, которое спасет ее от ситуации, которая вскоре должна открыться всему миру, актом милосердия, благотворительности, филантропии — не спасет ли оно его от отчаяния, а ее от разорения? Придирчивый конформист может неодобрительно отнестись к этому вопросу, но для отца он становится родным; и, что бы ни говорили его уста, его сердце признает обоснованность и силу аргумента, который он приводит.^[19]

Возможно, некоторые приверженцы ортодоксальной морали все же будут возражать против позиций, которые я отстаиваю. Они, возможно, скажут мне, как недавно сделал Комитет определенного Общества в этом городе, что сила предотвращения зачатий “создает стимулы и возможности для проституции их дочерей, сестер и жен”.^[20]

Действительно, но они делают своим женам, сестрам и дочерям жалкий комплимент! Значит, это хваленое целомудрие - всего лишь результат обстоятельств? Есть ли разница в возможностях между этим занятием и проституцией? Неужели их жены, сестры и дочери, если

их однажды избавить от страха перед потомством, все станут проститутками - все продадут свои объятия за золото и опустятся до уровня самых деградировавших? По правде говоря, но они клеветают на своих сородичей; они клеветают на своих собственных жен, сестер и дочерей. Если бы они говорили правду, если бы страх действительно был единственной гарантией целомудрия их родственников, я бы не придавал особого значения подобной добродетели! и ничтожным я счел бы оскорбление того, кто попытался бы соблазнить ее.^[21]

То целомудрие, которое стоит сохранять, - это не то целомудрие, которое обязано своим рождением страху и невежеству. Если просвещение женщины относительно простого физиологического факта сделает ее проституткой, она должна быть особенно предрасположена к распутству. Но это клевета на секс. Действительно, мало найдется таких, кто продолжил бы столь жалкое и унижающее достоинство занятие, если бы они не отказались от него. На одну проститутку, сделанную по влечению, приходится десять проституток, сделанных по необходимости. Реформируйте законы — уравнивайте удобства общества, и вам не нужно скрывать никаких знаний от своих жен и дочерей. Именно нужда, а не знания, ведет к проституции.

Что касается меня, то я бы не стал утаивать от своей сестры, дочери или жены ни один установленный факт. Для меня было бы долгом и удовольствием сообщить им все, что я знал сам; и я счел бы оскорблением для их понимания и сердец воображать, что их добродетель будет уменьшаться по мере увеличения их знаний. Порок никогда не является порождением простого знания, и те, кто говорит, что это так, клеветают на свою собственную природу. Если бы мы только доверяли человеческой природе, вместо того чтобы постоянно подозревать ее, охранять засовами и решетками и думать о том, чтобы сделать ее очень целомудренной, сохраняя в полном неведении, насколько бы изменился наш мир! Добродетель невежества - это болезненное растение, всегда подверженное воздействию гусеницы разложения, способное быть опаленным и уничтоженным даже свободным светом небес; неустойчивого роста; и, даже если его наконец искусственно вырастить, реальной ценности оно не представляет.

Я знаю, что родители часто считают правильным утаивать от своих детей — особенно от дочерей — факты, наиболее влияющие на их будущую жизнь и знание которых необходимо для благополучия каждого мужчины и женщины.^[22] Такой курс всегда казался мне непродуманным и продуктивным, имеющим очень вредные последствия. Девушке, конечно, ничуть не лучше, если она до первой брачной ночи верит, что детей находят среди капустных листьев в огороде. Воображение возбуждено, любопытство постоянно находится в напряжении; и то, что, если бы его просто объяснили, осталось бы в памяти только как любое другое физиологическое явление, приобретает весь ранг, важность и всепоглощающий интерес тайны. Более того, я твердо убежден, что простое любопытство часто приводило невежественных молодых людей к ситуациям, из которых чуть больше доверия и открытости со стороны их родителей или опекунов эффективно вывели бы их из положения.

В монашеские дни ментальной тьмы, когда учили и верили, что все воображение и все мысли человека — это только постоянное зло, когда считалось правильным добиваться подчинения массы, утаивая от них знания даже о том, как читать и писать, — в те дни было очень хорошо закрыть страницу с физиологией и сказать нам, что в тот день, когда мы прочтем ее, мы наверняка умрем. Но те времена прошли. В этом девятнадцатом веке мужчины и женщины читают, думают, обсуждают, исследуют, судят сами. Если в наши последние дни вообще может

существовать добродетель, она должна быть порождением знания и свободного исследования, а не невежества и тайны. Мы *не* можем предотвратить распространение каких-либо реальных знаний, даже если бы захотели; мы *не должны* этого делать, даже если бы могли.

Эта книга распространится по всем Соединенным Штатам. Любопытства и дурной славы, которую уже приобрела эта тема, на первых порах будет достаточно, чтобы она получила распространение. Практическая важность предмета, о котором в нем говорится, сделает остальное. Нужен был всего лишь кто-то, чтобы запустить камень; его собственного импульса будет достаточно, чтобы продвинуть его вперед.

Но, если мы *могли* предотвратить распространение правды, почему *мы должны* это делать? Мы сами этого не боимся. Никто не думает, что от этого пострадает *его* нравственность. Каждый уверен, что его добродетель может выдержать любую степень знания. И разве это не верх вопиющей самонадеянности со стороны каждого - воображать, что его сосед намного слабее его самого и нуждается в перевязке, без которой он может обойтись? Прежде всего, не слишком ли самонадеянно предполагать, что это знание, которое светский человек может выносить безнаказанно, разврат молодых и чистых сердцем. Только запятнанная совесть внушает такие страхи. Доверьтесь молодости и невинности. Говорите с ними открыто. Покажите им, что вы их уважаете, относясь к ним с доверием; и они быстро научатся уважать самих себя и управлять ими. Вы заручитесь даже их гордостью за вас; и вскоре вы увидите, что они будут гордиться тем, что *заслужили* ваше доверие, и доставят себе величайшее удовольствие. Но понаблюдайте за ними и проявите к ним свое подозрение всего один раз — и вы станете тюремщиком, который будет удерживать своих пленников до тех пор, пока решетки и засовы будут препятствовать их побегу. Мир никогда не был создан для тюрьмы; он слишком велик и плохо охраняется; родители также никогда не были созданы для того, чтобы быть вратарями; сама их привязанность не позволяет им выполнять эту задачу.

Нет более прекрасного зрелища на земле, чем семья, в которой нет секретов и скрытности: где молодые люди доверяют все своим старшим друзьям — ибо таковыми для них являются их родители - и где родители доверяют все своим детям; где каждая мысль передается так же свободно, как она возникает; и все знания даются так же просто, как они получены. Если в мире есть прототип того Рая, где природа, как говорят, не знала греха или непристойности, то это такая семья; и если есть змей, способный отравить невинность ее обитателей, то этот змей - Подозрение.

Я не прошу большего удовольствия, чем быть опекуном и компаньоном юных существ, чья невинность будет говорить со мной так же откровенно, как она думает сама с собой; молодых существ, которым никогда не придет в голову, что в их мыслях есть вина или греховна их самоуверенность; и которым, в свою очередь, я могу поделиться каждым важным и полезным фактом, который известен мне. Их достоинством должен быть тот выносливый рост, который *все* факты стремятся подпитывать и укреплять.

Я обращаюсь к моим читателям с вопросом, не соответствует ли такой взгляд на человеческую природу и такой способ обращения с ней самым благородным чувствам их сердец. Я спрашиваю их, не чувствовали ли они себя ободренными, усовершенствованными, укрепленными в каждом добродетельном решении, когда им великодушно доверяли; и не чувствовали ли они себя униженными, когда за ними подозрительно наблюдали, шпионили за ними и держали в неведении. Если они обнаруживают подобные чувства в своих собственных

сердцах, пусть они не воображают себя самодовольными, что их можно завоевать только великодушием или что природа их ближних отличается от их собственной.

Есть и другие соображения, связанные с этим предметом, которые еще больше подтверждают социальные преимущества контроля, который я отстаиваю. Человеческие привязанности изменчивы, и самые искренние решения смертных могут измениться.^[23] Каждый день приводит к случаям отчуждения и разлук; иногда почти до истечения медового месяца. В таких случаях непригодности нельзя считать желательным, чтобы у них было потомство; и следует признать, что способность воздерживаться от того, чтобы становиться родителями до тех пор, пока близость в какой-то мере не установит вероятность постоянной гармонии взглядов и чувств, является выгодной.

Ограничения, которые мои многочисленные занятия предписывают этому небольшому трактату, позволяют мне не рассматривать подробно все аргументы, которые могли бы быть выдвинуты изобретательностью или предубеждением. Если бы мир на самом деле не боялся свободно мыслить или прислушиваться к подсказкам здравого смысла, три четверти того, что уже было сказано, были бы излишними; ибо большая часть использованных аргументов пришла бы в голову любому рациональному, рассуждающему существу спонтанно. Но массе человечества еще предстоит, в какой-то мере, многому научиться по этому предмету. Мир, как мне кажется, во многом напоминает компанию гурманов, которые садятся за обильную трапезу, сначала очень педантично произнося над ней молитву; а затем, с разрешения священника, думают безнаказанно объесться, полагая, что обжорство после благодати не является грехом. Так же обстоит дело с народными обычаями и народной моралью. Все дозволено, если соблюдать внешние формы. Легальный обман - это не преступление, а превышение, санкционированное церемонией, - не распутство. Сущность приносится в жертву форме, добродетель - внешнему соблюдению. Мир мало заботится о том, честен человек или нечестен, поэтому он знает, как избежать тюрьмы и палача. Точно так же мир редко считает нужным интересоваться, является ли человек умеренным или неводержанным, благоразумным или легкомысленным. Ему требуется особая забота о том, чтобы узнать, во всем ли он соответствует ортодоксальным требованиям; и если он соответствует, то все в порядке. Таким образом, люди слишком часто учатся считать клятву освобождением от всех последующих приличий и обязанностей и полным освобождением от всех последующих обязанностей. Если муж жестоко обращается со своей женой, то это корыстное преступление, ибо он предусмотрел его, превратив ее у алтаря в "честную женщину". Если женатый отец пренебрегает своими детьми, это пустяк, потому что молитву регулярно произносили еще до их рождения.

Это настолько верно, что если бы какой-нибудь неортодоксальный моралист отбросил идею о том, что многие грубости и резкости, а также значительная часть безразличия и беззаботности к чувствам друг друга, проявляемые в супружеской жизни, могли быть отнесены к почти всеобщему обычаю (в этой стране, но не во Франции) мужа и жены постоянно спать в одной постели, — если бы он спросил нас, не была ли такая вынужденная и слишком частая фамильярность рассчитана на то, чтобы уменьшить очарование и удовольствия и уменьшить почтительное отношение, которое всегда должно характеризовать общение человеческих существ. - если, говорю я, какой-нибудь еретик, предпочитающий вещи формам, высветит и выразит такую неудачную идею, как эта, десять к одному, что женатая часть общества обрушится на него без пощады, как на дерзкого нарушителя их самых законных прав и прерогатив.

В таком мире, как этот, трудно рассуждать здраво. Выслушав все, что я сказал, вы, возможно, прервете меня, напомнив, что сама природа объявляет правильным, что мы должны воспроизводить наш вид без расчета или ограничений. В ответ я спрошу, считает ли природа также правильным, что, когда термометр показывает 96 °, мы должны жадно пить холодную воду и падать замертво на улицах? Пусть миру скажут, что если природа дала нам наши страсти и склонности, она также дала нам силу мудро управлять ими; и что, когда мы не решаемся использовать эту силу, мы опускаемся до уровня грубого творения и становимся забавой фортуны — простыми рабами обстоятельств.^[24]

Что касается еще одного аргумента, который, возможно, не стоило бы афишировать, а именно того, что он уже был намеренно использован для возбуждения общественного предубеждения. Было сказано, что рекомендовать человечеству благоразумную сдержанность в случаях, когда дети не могут быть обеспечены, является оскорблением для бедняка; поскольку все должно быть устроено так, чтобы они могли в достатке обеспечивать самую большую семью. Совершенно несомненно, что все *должны* быть так устроены; но не все *таковы*. И было бы столь же уместно предложить бедняку пойти и силой отобрать кусок саксонского сукна из лавки его соседа, потому что он *должен* иметь возможность его купить, как и побудить его продолжать производить на свет детей, потому что он *должен* иметь средства, чтобы содержать их. Давайте приложим все усилия, чтобы исправить несправедливость и остановить страдания, которые являются результатом порочного порядка вещей; но, пока мы не сделали этого, давайте не будем, ради человечества, безумно рекомендовать то, что прискорбно усугубляет зло; что увеличивает бремя нынешнего поколения и угрожает пренебрежением и невежеством следующему.

А теперь позвольте моим читателям сделать паузу. Пусть они проанализируют различные аргументы, которые я им представил. Пусть они отразят, насколько тесно инстинкт, о котором я говорю, связан с социальным благополучием общества. Пусть они помнят, что прямо пропорционально его социальному влиянию важно, чтобы мы знали, как контролировать его и управлять им; что, получив такой контроль, мы можем спасти самих себя — и, что мы должны ценить гораздо выше, можем спасти наших товарищей и наше потомство от страданий или невзгод; что благодаря такому знанию молодые могут завязывать добродетельные связи, вместо того чтобы становиться распутниками или аскетами; что благодаря этому ранний брак лишается своих самых тяжелых последствий, а соблазн — своего самого острого жала; что благодаря этому человек может избежать самых тяжелых последствий. быть спасенным от нравственного разорения, а женщину - от опустошающего бесчестия; чтобы благодаря этому первые чистые чувства могли быть успокоены и утолены, вместо того чтобы быть подавленными или уничтоженными - пусть они вспомнят все это, а затем пусть они скажут, не является ли обладание таким контролем благословением для мужчины.

Это шокирует разум женщины при первой же мысли; но стоит только практиковать, как все предрассудки развеиваются, и следствием должно быть удовлетворение. Для слабых и болезненных женщин, для тех, для кого роды опасны и кто никогда не производит на свет живых или здоровых детей, это открытие является великим благословением. И это также настоящее благословение во всех других случаях, когда дети нежелательны. Это станет оплотом любви и мудрости, красоты, здоровья и счастья.

ГЛАВА VI. ПРЕДМЕТ, РАССМАТРИВАЕМЫЙ В ЕГО НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ СВЯЗИ С ФИЗИОЛОГИЕЙ.

Теперь, после того как мы сказали о *желательности* установления контроля над инстинктом размножения, остается поговорить о его *осуществимости*.

Как в этом мире ценность труда слишком часто оценивается почти пропорционально его бесполезности, так и в физической науке спорные вопросы, похоже, привлекают внимание и вовлекают исследования почти в обратном соотношении к их практической значимости. У нас есть сотня изученных гипотез для одного решающего практического эксперимента. У нас написано много тысяч томов, объясняющих причудливые теории, и едва ли столько же десятков, чтобы зафиксировать установленные факты.

В мои намерения не входит при обсуждении этой области предмета рассматривать сотни остроумных теорий зачатия, выдвинутых древними и современными физиологами. Я не буду спрашивать, будет ли будущий человек обязан своим первым существованием, как Гиппократ и Гален утверждал, и Буффон очень искусно поддерживает, чтобы союз двух живительных жидкостей, каждая своего рода экстракт из тела родителя, и в составе органических частиц похож на будущего потомства; или же, как Харви и Халлер обучения, зародыша покоится в плодном яйце, пока не оживлено семенной жидкостью, или, возможно, только *aupa seminalis*; или же, согласно теориям Leuwenhoeek и Борхав, будущий человек сначала существует как семенной *animalcula*, по которым яйцеклетки превращается всего лишь в питательный сосуд; или же, как гениальный Андрей возомнил, живительной червь будет более правильная гипотеза; или же, наконец, как Perault будет,^[25] эмбриона существа (тоже прекрасно организованной, чтобы быть производством любых простое физическое явление) необходимо представить себе, чтобы прийти прямо из рук создателя, который наполнил мир с эти маленькие микробы тоже минуту, действительно, осуществить все животные функции, но по-прежнему существует сама по себе, и ждут только пронируемость некоторые тонкоматериальные сущности в их микроскопические поры, чтобы прийти по-человечески. Еще менее я склонен следовать Гиппократу и Тертуллиану в их исследованиях, вводится ли душа просто во плод или предсуществует в семени и становится, так сказать, архитектором своего будущего жилища, тела;^[26] или пытаться опровергнуть гипотезу метафизического натуралиста,^[27] который утверждает (и приводит бесконечную неделимость материи в подтверждение утверждения), что настоящие зародыши всей человеческой расы и всех, кому еще предстоит родиться, существовали в яичниках нашей праматери, Евы. Я оставляю эти и пятьдесят других гипотез, как остроумных, так и бесполезных, для обсуждения теми, кто, кажется, считает делом чести не оставлять ни одного факта необъясненным какой-либо воображаемой теорией; и я сразу же спускаюсь на *твердую почву* позитивного опыта и реальных наблюдений.

Все вещи, обладающие жизнью, увеличиваются и размножаются по аналогичному принципу, но метод осуществления этого увеличения очень существенно отличается. В человеческом роде природа снабдила полы частями, которые необходимы для размножения, должны сближать и смешивать их элементы или зачатки будущего существования, и это смешение должно происходить в утробе самки. У некоторых низших животных и в растительном мире полы

объединены в одном объекте, который обладает способностью к увеличению. Углубляться в физиологические подробности оплодотворения означало бы подойти к этим вопросам более научно, чем претендует на это эта небольшая книга, поскольку в наши намерения входит скорее отстаивать популярную точку зрения, чем обсуждать различные мнения по какому-либо данному вопросу.

Чрезвычайно жаль, что человечество не потратило хотя бы малую часть времени и усердия, которые были потрачены впустую на теоретические исследования, набор и сопоставление *реального опыта* человеческих существ. Но эта задача, слишком трудная для невежд, обычно считалась слишком простой и банальной для образованных. Этому обстоятельству, соединенному с тем фактом, что людям не считается уместным или приличным свободно делиться своим личным опытом по рассматриваемому сейчас важному вопросу, — к этим причинам относится огромное и в остальном необъяснимое невежество, которое столь странным образом преобладает, даже иногда среди медиков, относительно власти, которой человек может обладать над инстинктом размножения. Многие врачи будут категорически отрицать, что человек обладает какой-либо такой силой. И все же, если бы тысячная доля таланта и исследований была направлена на изучение этого важного факта, который был обращен на создание досужих теорий, ни один здравомыслящий человек не мог бы оставаться в неведении относительно истины.

Я приложил немало усилий, чтобы выяснить мнения наиболее просвещенных врачей Великобритании и Франции по этому вопросу; (мнения, которые народные предрассудки не позволяют им высказать публично в своих работах;) и все они сходятся в признании того, что опыт французской нации *положительно доказывает*, что человек может полностью контролировать этот инстинкт: и что мужчины и женщины могут, без какого-либо ущерба для здоровья или малейшего насилия над нравственными чувствами и лишь с небольшим уменьшением удовольствия, которое сопровождается удовлетворением инстинкта, воздерживаться по крайней мере от уилл от того, чтобы стать родителями. Мне также довелось завоевать доверие нескольких человек, которые без утайки поделились со мной своим собственным опытом, и все это подтвердило то же самое мнение.

Таким образом, хотя я и делаю вид, что не говорю положительно о деталях предмета, который будет полностью понят только тогда, когда люди обретут достаточно здравого смысла, чтобы обсуждать его достаточно просто и безоговорочно, я могу рискнуть заверить моих читателей, что главный факт неопровержим. В доказательство этого я приведу такие факты, которые могут прийти мне в голову в ходе данного расследования.

Какими бы разнообразными и противоречивыми ни были различные теории зачатия, почти все физиологи согласны с тем, что поступлению самой спермы (или некоторых летучих частиц, исходящих из нее) в матку должно предшествовать зачатие. Вероятно, именно это впервые предположило возможность предотвращения зачатия по желанию.

Автор сообщает нам, что среди способов предотвращения зачатия, которые, возможно, преобладали в различных странах, тот, который был принят и практикуется культурными классами на европейском континенте, французами, итальянцами и в некоторой степени испанцами и немцами, заключается в полном уходе со стороны мужчины, непосредственно предшествующем зачатию. Это, несомненно, эффективно там, где это можно сделать, но, как отмечает наш автор, он легко может себе представить, что есть люди, которые отчасти из-за

темперамента, но гораздо больше из-за своих постоянных привычек безудержно потакать своим желаниям, могут настолько плохо контролировать свои страсти, что испытывают трудности в практике этого, а некоторые, возможно, заявят, что это невозможно. Если есть кто-то, для кого это невозможно, мистер Оуэн говорит нам, что он убежден, что их число чрезвычайно мало. Однако в данном случае Редактор считает, что Автор ошибается.

Редактору стали известны многочисленные факты, которые продемонстрировали неосуществимость этой проверки и убедили его в том, что число людей, физически неспособных воспользоваться рекомендацией Автора, намного больше, чем он предполагал. Нет ничего необычного в том, что мужчины в приступе гнева теряют всякий самоконтроль. Почему же тогда мы должны предполагать, что они способны в любое время проявлять сдержанность в отношении сильнейшей страсти нашей природы? Человечество наделено разной степенью страстности. Некоторые никогда не теряют того совершенного владения своими чувствами, которое позволяет им воспользоваться предложениями Автора, в то время как другие, устроенные иначе, не могут проявлять такую же терпимость.

Редактор знает многих любящих мужей и добрых отцов, которые с удовольствием применили бы вышеупомянутую проверку, если бы имели возможность это сделать.

Совсем недавно отец очень большого семейства консультировался по этому вопросу с редактором, и в ходе беседы он заявил, что прочитал книгу мистера Оуэна и пытался следовать рекомендованному им курсу, но обнаружил, что у него это совершенно не получается. Несколько других упоминали тот же факт. Автор сообщает нам, что эта практика сопровождается лишь незначительным уменьшением физического удовольствия; но каким бы незначительным оно ни было для некоторых, таковым оно является не для всех, поскольку, как бы велико ни было их чувство долга или как бы велик ни был риск взять на себя священные обязанности, они неспособны проявлять необходимую сдержанность.

Это похвальная добродетель для тех, у кого есть возможность практиковать ее, но для тех, кто не может или не хочет, и для тех, кто делает это независимо от последствий, для матери крайне важно, чтобы власть контроля была передана в правильные руки. Как часто мыслышим, как матери говорят: "У меня есть вся семья, которую я хочу, и я полна решимости больше не заводить детей, если смогу этому помешать"; но, увы, у нее нет такой власти, когда ее закадычный партнер теряет самообладание над своими страстями. Та, кто несет это бремя и страдает от несчастий, должна быть в состоянии защитить себя, и если она этого не сделает, то виновата только она сама.

Мистер Оуэн знал о серьезных возражениях, которые будут выдвинуты против осуществимости рекомендованной им меры предосторожности, поскольку, говоря о ней, он отмечает, что она передает власть в руки мужчины, а не в руки женщины — та, кто страдает, не защищена от преступной беспечности или, возможно, преднамеренного эгоизма того, кто остается свободным и невиновным, что бы ни случилось.

Устранить этот недостаток, о котором говорит Автор, и предоставить страдающей матери лекарство, передав его в ее собственные руки, - вот цель Редактора настоящего издания работы мистера Оуэна. Наука медицины и хирургии обязана гальванизму некоторыми из своих наиболее важных лечебных средств. С его помощью были продемонстрированы физиологические факты, имеющие большое значение для медицинской профессии, и врачи

получили возможность использовать электрическое воздействие для многих полезных целей, в лечении заболеваний и в создании лекарств от функциональных расстройств. Он способен оказывать мощное влияние на нервную систему и в руках врача является самым действенным лекарством.

Открытие, которое позволило нам получить такой контроль над работой матки или влиянием семени, чтобы предотвратить зачатие,^[28] было сделано с его помощью.

При нынешнем состоянии общества огромное количество людей вынуждены появляться на публике и вести образ жизни, на который уходят все их доходы, не оставляя ничего или почти ничего в качестве пропитания своим детям. Для таких людей большое количество детей является постоянным источником дискомфорта и опасений; состояния физической, умственной и денежной досады и страдания, от которого нет спасения. Такое положение вещей в очень значительной степени присуще тому респектабельному классу общества, который называется благородным. Для тех, чьи доходы зависят от каких-то конкретных усилий, которые невозможно переложить на других, эти удручающие обстоятельства по разным причинам значительно усиливаются. Для тех, кто составляет основную массу общества, чей хлеб насущный добывается только ежедневным трудом, большая семья почти всегда является причиной разорения как родителей, так и детей: обрекая родителей на безрадостную, безнадёжную и непоправимую бедность; лишая детей той физической, моральной и умственной помощи, которая необходима для того, чтобы они могли жить в комфорте, и заставляя их в раннем возрасте охотиться на мир или становиться его добычей.

По этим общим причинам, понятным каждому, крайне важно, чтобы состоящие в браке люди были проинформированы о методе предотвращения такого огромного зла.

Если можно указать методы, с помощью которых можно получать все удовольствия супружеской жизни, не опасаясь СЛИШКОМ БОЛЬШОЙ семьи и всех ее горьких последствий, то тот, кто указывает на них, несомненно, должен быть благодетелем человечества.

Способы предотвращения просты и безвредны, и могли бы быть применены, если бы не ложная деликатность прессы или, скорее, тех, для кого она работает, о которых сообщалось более широко.

Серия экспериментов, проведенных несколько лет назад с целью проверки эффективности гальванической энергии в качестве проверки воспроизведения, продемонстрировала и доказала ее совершенную приспособленность к выполнению этой важной задачи. У Редактора есть очень простой и совершенно безвредный инструмент (в том, что касается здоровья матери), на который можно положиться в этой цели.

Применение должно быть немедленным, и эффект от него мгновенный. Как и во многих других операциях, эффект которых известен, может быть несколько затруднительно удовлетворительно объяснить его *способ действия*; тем не менее, достоверность его действия была четко доказана. Известно, что он придает небольшой кратковременный импульс частям тела, так что живительное влияние семени разрушается или изгоняется.

Было бы нетрудно разработать множество остроумных теорий о том, каким образом эта операция может быть выполнена, но поскольку практически хорошего эффекта от нее добиться невозможно, мы довольствуемся простым цитированием заключительных замечаний доктора

Монселла по теории зачатия, выраженных в издании доктора Гилмана: “В настоящее время для нашей цели будет достаточно просто изложить известные факты и как можно меньше выдвигать гипотез, которые должны быть скорее продуктом фантазии, чем разума”.

Предлагая этот инструмент общественности, Редактор осознает, что его мотивы могут быть неправильно поняты и оценены превратно, и что он может подвергнуться порицанию со стороны той категории людей, которые считают эту тему слишком деликатной, чтобы ее даже упоминать, не говоря уже о публичном обсуждении, и что средство правовой защиты предлагается в этой публикации. Кто-то скажет ему, что не следует вмешиваться в процессы природы, каковы бы ни были последствия. Каждому человеку, который хоть сколько-нибудь знаком с писателями по акушерству, хорошо известно, что вследствие деформации таза во многих случаях приходится прибегать к использованию инструментов для уничтожения ребенка, чтобы спасти жизнь матери; а там, где деформация очень велика, приходится прибегать к самому отчаянному из всех средств - кесареву сечению. Доктор Гилман в работе, которую мы уже цитировали, сообщает нам, что эта последняя упомянутая операция была проведена пять раз одной и той же женщине Михаэлисом из Киля. Она также дважды проводилась доктором Гибсоном из Филадельфии и один раз доктором Р. К. Хоффманом из Нью-Йорка, а также другими операторами на европейском континенте и в Соединенных Штатах. Тот же автор сообщает нам, что “британский писатель высказал предположение о целесообразности разделения фаллопиевых труб при выполнении этой операции, чтобы, таким образом, женщины, ставшие бесплодными, могли быть защищены от возможности повторения этого ужасного кесарева сечения”.

Улучшения были сделаны почти во всех областях медицины, и с помощью науки химии было обнаружено много новых и важных средств; но до сих пор не было открыто ни одного, которое могло бы облегчить эти случаи; следовательно, нам доставляет определенное удовлетворение возможность объявить, что безопасное и верное средство от этих страданий будет найдено в вышеупомянутом инструменте, который, мы уверены, будет приемлем для каждого отца и мужа, заботящегося о безопасности и счастье своей жены. Возможно, скажут, что такие случаи происходят редко. В качестве ответа будет достаточно заявить, что это всего лишь один из многочисленного класса случаев, который настоятельно требует такой же профилактической помощи. Как далее отмечает автор, из которого мы только что процитировали: “Когда у отдельной женщины часто происходят роды путем перфорации головки ребенка, возникает задача разработать какие-либо средства для предотвращения этих последовательных жертвоприношений, и соответственно в таких случаях было предложено вызвать преждевременные роды в период беременности, когда головка ребенка достаточно мала, чтобы пройти через таз”. Он отмечает, что это шаг, на который ни в коем случае нельзя идти легко, поскольку всегда должна существовать определенная степень опасности, которой подвергается мать, и само действие, даже если оно оправдано настоятельной необходимостью, является неоправданным и даже преступным в глазах закона.

Из этих цитат станет понятно, что лучшее и единственное средство, приспособленное к этим случаям, которое до сих пор разрабатывалось профессионалами для оказания помощи тем, кто не может безопасно стать матерями, состоит в уничтожении ребенка, чтобы жизнь матери могла быть спасена, и, при крайней необходимости, в преждевременных родах или аборте на ранней стадии. Почему бы не предвосхитить эту стадию и не предотвратить упомянутую необходимость, предотвратив зачатие? Не будет ли это более нравственным и не спасет ли это

мать от той степени опасности, о которой говорится? *Профилактика* всегда предпочтительнее *лечения*, и там, где лекарство чревато такими опасными последствиями для пациента, на медицинском работнике лежит особая обязанность разработать какие-либо средства, которые заменят необходимость прибегать к этим отчаянным мерам.

Поскольку вышеупомянутой статье была придана некоторая огласка, было подано множество заявок и проведено множество расследований, в результате которых под наблюдением Редактора оказалось большое количество случаев. Эти случаи носили такой характер, что демонстрировали необходимость принятия некоторых превентивных мер, которые должны были быть переданы в надежные руки, и были бы достаточными, чтобы устранить любые сомнения (если бы таковые оставались) относительно целесообразности придания огласки этому документу. Не далее как вчера муж хрупкой женщины и отец семейства в разговоре на эту тему заявил, что его жена была матерью двоих детей — что с момента рождения последнего она перенесла пять аборт, которые настолько подорвали ее здоровье, что он счел необходимым воздерживаться от любых сношений с ней. Многочисленные случаи подобного рода проходят под его наблюдением почти ежедневно. Должны ли мы услышать, что для врача аморально и неприлично предлагать лекарство для случаев такого рода? Будет ли кто-нибудь претендовать на то, что деликатность предмета должна помешать нам выбрать правильный курс, которого следует придерживаться для обеспечения здоровья и счастья? Прочь подобные насмешки — давайте прямо говорить на все темы, которые в равной степени касаются здоровья и счастья наших ближних. В компетенции врача - исследовать этот вопрос философски и не позволять ничему, кроме чувства долга перед своими пациентами и обществом, руководить им в его решении.

Единственное, что вызывает удивление у Редактора, - это то, что профессия так долго пренебрегала этой темой. Он убежден, что эта небольшая книга и рекомендуемые в ней средства профилактики сделают больше для предотвращения такого морального зла, как аборты среди замужних женщин, чем все уголовные акты наших законодателей и уголовные суды, которые приводят их в исполнение. Да, он твердо убежден, что моральный контроль надвоспроизведением приведет к тому, что судьи и присяжные тщетно пытались сделать. Это положит конец профессии тех, кто делает аборт, устранив причину и, таким образом, ударив по корню зла. Отсутствие средств предотвращения привело к совершению преступления, возмущающего наши чувства. Сколько жизней матерей было бы спасено, если бы им была известна сила предотвращения зачатия! чувства общества не были бы так часто потрясены теми ужасными историями об убийствах детей, которые так часто публикуются в ежедневных газетах: и возмущенными чувствами общества, готовыми вылиться в толпы и другие демонстрации народного негодования против тех, кто совершает подобные преступления. Здесь я цитирую абзац, недавно появившийся в одной из нью-йоркских ежедневных газет, с целью показать чувствасообщества по этому поводу: “Вчера днем резиденция мадам Рестелл на Гринвич-стрит была осаждена огромным скоплением людей всех классов, многих из них, несомненно, привлекло туда любопытство или смутная идея, что в отношении этой печально известной женщины должно было разыгаться нечто экстраординарное, и немало тех, кто пришел, очевидно, с намерением стать участниками какой-нибудь сцены насилия и народного восстания. Среди массы были замечены очень многие из наших самых респектабельных граждан — результат неожиданного и, безусловно, зловещего глубокого и стойкого чувства отвращения среди высших классов, ибо действия этой несчастной женщины, которые все еще могут оказаться ужасающими для нее и для тех, кто поддерживает ее в этом мерзком и

нечестивом занятии, известное существование которого среди нас, вопреки всем законам и оскорбляющее всякое чувство порядочности и морали, так долго оставалось зловещим, как зловонное пятно на нашем теле. город. Мы узнаем, что в ожидании какой-нибудь энергичной демонстрации в течение дня мадам Рестелл рано покинула свой дом и тайно отправилась в жилище какого-то неизвестного друга, ища убежища от своих страхов в укромном месте, вдали от места своих беззаконий. Тем временем, хотя начальник полиции при поддержке сильного отряда офицеров находился на месте беспорядков, в течение нескольких часов казалось, что окрестности дремлют навулкане, простое дуновение которого могло привести к свирепым и ужасным действиям. В толпе раздались громкие проклятия в адрес Рестелл и ее помощников и крики: "Вытаскивайте ее!" "Где ребенок Мэри Эпплгейт?" "Где *тысяча детей*, убитых в этом доме!" "Где мисс Мансон!" "Бросьте ее на скамью подсудимых!" "Повешение - это слишком хорошо для чудовища!" "Кто убил Мэри Роджерс?" и другие подстрекательские восклицания подобного рода постоянно раздавались из возбужденной толпы. По всей округе окна по обе стороны улицы были подняты и заполнены встревоженными лицами, пристально наблюдавшими за движением толпы внизу; и среди обитателей соседних домов не было недостатка в таких, в том числе в женщинах респектабельных и утонченных, которые присоединились к всеобщему крику о мести и возмездии. Действительно, казалось, что сильное чувство народного негодования вот—вот проявится во вспышке серьезного характера, и что несчастный объект их неприязни вот-вот поймет, что в этой стране существует власть, стоящая выше всякого закона, чьи полномочия - когда рука правосудия стала парализованной и недостаточной и подверглась дерзким насмешкам со стороны тех, кто зависит от своего несправедливо заработанного богатства, *и определенных специфических влияний*, обеспечивающих безнаказанность за справедливое вознаграждение за преступление, — будут внезапно исполнены с насилием и неразберихой. Однако благодаря оперативным действиям начальника полиции, по указанию которого были произведены один или два ареста наиболее активных представителей собравшейся массы, угроза беспорядков была, наконец, подавлена, и в настоящее время (поздно вечером) порядок и тишина в округе восстановлены.

“Мы не завидуем чувствам несчастной женщины во время угрожающей вспышки, ибо, хотя она находилась на некотором расстоянии от места происшествия, она все же хорошо знала, что происходит, поскольку через короткие промежутки времени ее знакомили с положением дел. Мы надеемся, что, исходя из вчерашнего опыта, мадам Рестелл теперь убеждена в необходимости немедленного закрытия своего незаконного бизнеса; в противном случае, кажется, существует самая пугающая уверенность в том, что *конец еще не наступил*”.

Посмотрите, какая масса зла возникает от внебрачных детей, от детоубийц, от брошенных детей, от больных детей, и даже там, где родители самые трудолюбивые и добродетельные, от полуголодной, раздетой и плохо обеспеченной семьи, от семей, теснящихся в одной комнате, для здоровья которых необходимы дом и сад. Все это является налогом на любовь, постоянным налогом на человеческие удовольствия и на здоровье; налогом, который превращает красоту в сморщенное уродство, искажает благородное отношение человечества и делает его положение хуже, чем у полевого скота.

Затем следует соображение — как это ужасно, что здоровье и красоту нельзя поощрять и расширять, что любовью нельзя наслаждаться без опасности зачатия, когда это зачатие нежелательно, когда оно наносит серьезный ущерб сторонам и обществу. Это обстоятельство стало большим препятствием на пути к здоровью, силе и красоте.

Что нужно сделать, чтобы исправить это зло? Нужно что-то предпринять: найдено средство, простое средство, преступное по пренебрежению, а не по использованию. Разрушения зачатий добивались актами насилия, дозами яда, которые травмировали, а иногда и уничтожали мать, чтобы достичь плода в ее утробе. Это ужасно, по-настоящему ужасно. Однако обычай сделал это обычным делом. В каждой деревне почти ежегодно происходят подобные случаи. В этой стране ежегодно сотни младенцев уничтожаются при рождении: некоторые случаи выявляются, но многие остаются необнаруженными. Мы осуждаем детоубийства в Китае и других странах и содрогаемся от них: и все же остается вопросом, преобладало ли детоубийство когда-либо в какой-либо стране в большей степени, чем в нашей. Следовательно, здесь, как и в любом другом случае болезни или другого зла, *лучше предотвратить, чем лечить*, и здесь *предотвращение наиболее просто осуществимо, средство, доступное всем*.

Те, у кого нет средств получить представление о масштабах этого зла, вряд ли смогут осознать это; с тех пор как было начато исследование этого предмета и с тех пор, как публично было упомянуто упомянутое выше средство, редактору стали известны многочисленные факты, которых было бы достаточно, чтобы убедить каждого искренне размышляющего человека, что крайняя степень доверчивости тех, кто приложил лишь немного усилий, чтобы ознакомиться с этой частью предмета, и вполнину не соответствует размаху этого порока. Он склонен полагать, что его заявление было бы поставлено под сомнение, если бы он сообщил о количестве звонков, полученных им от лиц, обратившихся за такого рода медицинскими услугами по недоразумению с его уведомлением. Это число не ограничивается теми, кто не может законно стать матерями, но, что самое удивительное, родители, вращающиеся в так называемом респектабельном обществе, похоже, не чувствуют деликатности, обращаясь в этих случаях за помощью к врачу.

С целью еще более убедительной иллюстрации масштабов, в которых в этом городе практикуется аборт, а также опасностей, которым подвергается жертва, мы предлагаем привести несколько выдержек из случая, описанного доктором Бедфордом, выдающимся профессором акушерства в Университете города Нью-Йорка. Было вызвано несколько врачей, пациентка рожала в течение двадцати четырех часов, и они по отдельности заявили о своем незнании сути дела. Затем доктор Б. продолжает говорить:—

“У миссис М. начались роды в понедельник, 18 декабря, в семь часов вечера, а во вторник, в семь часов вечера, я впервые увидел ее. Ее боли были тогда почти постоянными, и такова была тяжесть ее страданий, что ее крики о помощи, как сообщили мне ее лечащие врачи, привлекли толпы людей у дверей. Как только я вошел в ее палату, она воскликнула: ‘Ради Бога, доктор, вскройте меня, или я умру’.: Я никогда не смогу родить, если вы не вскроете меня’. Меня поразили эти формулировки, тем более что мне уже сообщили, что ранее она родила двоих детей. По просьбе джентльменов-врачей я приступила к обследованию по вагинам, и должна признаться, что была поражена тем, что обнаружила, каждую секунду ожидая, судя по интенсивности сокращений матки, что этот орган будет разорван в какой-то части своего объема. Я отчетливо ощущала твердую, сопротивляющуюся опухоль в верхнем протоке, сквозь стенки матки, *но не могла обнаружить никакого отверстия в матке*. Проводя пальцем вверх и назад по входу во влагалище, я смогла проследить две уздечки, идущие от этой части влагалища к точке матки, которая была довольно шероховатой и слегка приподнятой; эта шероховатость имела поперечную форму, но при всей осторожности и тонкости манипуляций, которые я могла применить, я обнаружила, что невозможно обнаружить какое-либо отверстие в

матке. Осторожно проводя пальцем от уздечек к шероховатой поверхности и исследуя состояние частей тела с тревожным желанием оказать расстроенному пациенту быстрое и эффективное облегчение, я отчетливо ощутил рубцы, одним из которых была эта шероховатая поверхность. Таким образом, это было состояние, вызванное повреждением мягких частей тела в какой-то предшествующий период, что привело к образованию рубцов и уздечек, а также к закрытию устья матки. На этом этапе обследования я знал о предыдущей истории болезни пациентки не больше, чем я уже изложил, и первый вопрос, который я ей задал, был таким: 'Были ли у вас когда-нибудь какие-либо трудности в ваших предыдущих родах? вам когда-нибудь доставляли инструменты?' и т. д., и т. п. Она четко ответила, что ее предыдущие роды были непродолжительными, и что ей не доставляли никаких инструментов, и она никогда не получала никаких травм в результате своих родов. Эта информация несколько озадачила меня, поскольку она не соответствовала тому, что кто-либо мог бы предположить, принимая во внимание ее фактическое состояние, которое, несомненно, было результатом прямого повреждения частей тела. Заверив ее, что она находится в крайне опасном положении, и в то же время пообещав, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы спасти ее, она добровольно сделала следующее признание:

Примерно через шесть недель после того, как она забеременела, она обратилась к небезызвестной мадам Рестелл, которая, узнав о ее ситуации, дала ей несколько порошков с инструкциями по применению; эти порошки, по-видимому, не произвели желаемого эффекта. Она снова вернулась к этой женщине и спросила ее, нет ли другого способа вызвать у нее выкидыш. 'Да,' говорит мадам Рестелл, - я могу вас прощупать, но мне нужна моя цена за эту операцию'. 'Чем вы прощупываете?' 'Кусочком китового уса'. 'Что ж,' подумал пациент, но не выразил этого вслух, 'я не могу позволить себе заплатить вашу цену, и я проверю себя'. Она вернулась домой и несколько раз воспользовалась китовым усом; это вызвало сильную боль с последующим выделением крови. Теперь весь секрет был раскрыт. Травмы, нанесенные устьем матки в результате этих насильственных попыток, привели к обстоятельствам, описанным выше.

"Судя по характеру страданий этой бедной женщины и изгоняющему характеру ее болей, было очевидно, что показаны быстрые искусственные роды. Соответственно, не теряя времени (она тогда рожала двадцать девять часов) Я выполнил операцию. Через короткое время миссис М. родила крепкого, взрослого ребенка, чьи громкие крики были с удивлением услышаны матерью и с искренним удовлетворением ее друзьями-врачами. Выражение благодарности этой женщины за то, что она таким образом была спасена от того, что она и ее друзья считали неизбежной смертью, было достаточной компенсацией за беспокойство, испытываемое теми, кто был скромным инструментом оказания ей помощи. Эта пациентка быстро выздоравливала и за все время своего выздоровления не проявила ни одного неприятного симптома. Прошло уже десять недель с момента операции, и она и ее ребенок находятся в отличном состоянии здоровья.

"Во время моего последнего визита к этой пациентке вместе с доктором Форри она сделала несколько дополнительных открытий, которые, я думаю, должны быть доведены не только до специалистов, но и до общественности, чтобы стало известно, что в самой нашей среде живет монстр, который спекулирует человеческой жизнью с таким хладнокровием, как если бы она была вовлечена в азартную игру. Этот пациент с неподдельной искренностью и, по-видимому, не подозревающий о моральной порочности своего поступка, самым недвусмысленным образом заявил и доктору Форри, и мне, что Безумен. Рестелл в предыдущих случаях *пять раз*

доводил ее до выкидыша, и что эти выкидыши в каждом случае были вызваны наркотиками, которые этот торговец людьми вводил в человеческую жизнь. Единственным случаем, когда лекарства не помогли, была последняя беременность, когда по предложению мадам Рестелл она исследовала себя и вызвала описанное состояние, которое самым серьезным образом касалось ее собственной безопасности, а также безопасности ее ребенка. В ходе беседы эта пациентка упомянула, что она знала большое количество женщин, которые имели привычку обращаться к мадам Рестелл с целью прерывания беременности, и что ей почти никогда не удавалось добиться желаемого облегчения. Среди прочего она привела случай с женщиной, проживающей на Хьюстон-стрит, которая была на пятом месяце беременности; мадам Рестелл обследовала ее, и у нее родился ребенок, который, по ее собственному выражению, "несколько раз брыкнулся после того, как его положили в миску". Это, действительно, кажется слишком чудовищным, чтобы поверить в то, что такие грубые нарушения законов, как Божьих, так и человеческих, должны терпеться в самом сердце сообщества, называющего себя христианским и руководствующегося законом и благим порядком. Тем не менее, эти факты известны всем, кто читает. Рекламные объявления этого существа можно увидеть в наших ежедневных газетах; там она приглашает низких и виновных, невинных и неосторожных обращаться к ней. Она публично рассказывает, что она может сделать, и без малейших угрызений совести призывает всех обратиться к ней, кто, возможно, стремится избежать рождения детей. Итак, вот награда, предлагаемая за порок, не говоря уже о расточительном разрушении человеческой жизни, которое неизбежно должно быть результатом мерзостей этой корыстной и бессердечной женщины".

В умах определенного класса общества создается ошибочное впечатление. Они не делают различия между совершением преступления и средствами, которые используются для распространения информации и устранения побуждения к совершению морального преступления. Невежество и предрассудки — родители порока — ослепили или ввели в заблуждение тех, кто не изучал или не захотел должным образом изучить предмет этого обсуждения. Однако нас утешает мысль о том, что наступает день, который рассеет туман и дымки, которые до сих пор затуманивали человеческое понимание, в вопросах, которые бесконечно касаются счастья огромной массы человеческой семьи.

Мы с удовольствием заявляем, что с момента публикации небольшой работы мистера Оуэна (прошло уже десять лет) у нас есть веские основания полагать, что общественное мнение лучше подготовлено к восприятию исправленного редактором издания его книги. По мере того, как проходит каждый новый год, и по мере того, как истина побеждает заблуждение, и по мере того, как распространение знаний рассеивает невежество, предмет будет вызывать дополнительные исследования, и достоинства работы будут более справедливо оценены просвещенной частью сообщества. Дальнейшее обсуждение и исследование предмета приведет к его лучшему пониманию, и будет сформировано общественное мнение, благоприятствующее этому предмету, имеющее огромную моральную пользу.

Выражаясь языком автора, — Насколько могущественна и благотворна сила, которую могло бы оказать такое влияние, и насколько существенно и быстро это могло бы привести к постепенному, но полному искоренению тех эгоистичных пороков, законных и незаконных, которые сейчас позорят и унижают наш вид, трудно даже представить.

В безмолвном, но неуклонном прогрессе человеческого совершенствования такое изменение, к счастью, неизбежно. Мы постепенно выходим из тьмы слепых предрассудков и грубой силы; и день за днем рациональная свобода и культивируемая утонченность завоевывают власть. Насилие уступает место благожелательности, принуждение — доброте, буква закона - духу справедливости; и день ото дня мужчины и женщины становятся все более охотными и лучше подготовленными к тому, чтобы доверять самые священные обязанности (социальные, а также политические) больше добрым чувствам, а не праздной форме - больше соблюдению морали и меньше закону.

Нет сомнений в том, что такая реформа будет проведена: никакая человеческая сила не может остановить ее прогресс. Насколько медленно или как быстро это может наступить, *это* вопрос; и зависит, в некоторой степени, от случайных обстоятельств. Если эта небольшая книга окажется одним из обстоятельств, ускоривших, пусть и незначительно, этот прогресс, ее автор будет вознагражден десятикратно за любой пустячный труд, которого она могла ему стоить.

В заключение автор отмечает, что информация о проверке населения, о которой он говорил и которую он рекомендовал вместе с другими профилактическими средствами, в течение многих лет широко распространялась в большинстве густонаселенных городов Великобритании; не только через "Книгу каждой женщины", но и до ее публикации с помощью сотен тысяч рекламных листовок, которые были безвозмездно распространены из благотворительных побуждений. Люди, которые первыми сделали их известными в Англии, - это все пожилые люди, отцы семейств с детьми, выросшими мужчинами и женщинами; люди безупречной честности и первоклассных моральных качеств; многие из них люди науки, а некоторые из них известны как первые политэкономисты и филантропы своего времени. Помимо упоминания предмета, уже приведенного в Британской энциклопедии, он упоминается в "Элементах политической экономии" Милля; в "Иллюстрациях принципа народонаселения" Плейса; в "Распределении богатства" Томпсона и, вероятно, в других работах, с которыми я не знаком. Это также (завуалированно) было затронуто в нескольких английских газетах и проповедовалось в лекциях перед трудящимися классами самым доброжелательным человеком в Лидсе. Я не думаю, что эта тема когда-либо затрагивалась, в одном-единственном случае, за исключением людей с безупречными моральными качествами и, как правило, занимающих высокое положение в обществе. Главное различие между этим небольшим трактатом и намеками, сделанными вышеупомянутыми выдающимися авторами, заключается в том, что я осмеливаюсь прямо сказать, на что общественное мнение только позволило бы им намекнуть.

Мои читатели могут неявно полагаться на точность фактов, которые я изложил. Хотя при нынешнем состоянии общественного мнения я не могу, по очевидным причинам, приводить *имена* в качестве доказательства, все же очевидно, что у меня не может быть и тени мотива вводить в заблуждение. Я сочту за одолжение, если какие-либо люди, которые могут привести, *исходя из личного опыта*, факты, связанные с этим предметом, сообщат мне их.

Примечание. Просвещенный Кондорсе в своем хорошо известном "Исследовании прогресса души человека" очень ясно намекает на безопасность и легкость, с которыми население могло бы быть сдержано, "Если бы разум толькошел в ногу с искусствами и науками, и если бы праздные предрассудки суеверия перестали распространять на человеческую мораль аскетизм, развращающий и унижающий, а не очищающий или возвышающий". Видеть его *Esquisse*, страниц 285 до 288, Париж Эд. 1822.

Мальтус (См. его “Очерки народонаселения”, книга 3, глава 1) “заявляет, что не понимает” французского философа. Ни один француз не мог понять его неправильно.

ГЛАВА VII. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Этот самый практичный из философов, Франклин, интерпретирует целомудрие как означающее, *регулируемое и строго умеренное удовлетворение, без ущерба для других, тех желаний, которые естественны для всех здоровых взрослых существ*. В этом смысле целомудрие - первая из добродетелей, и ее крайне редко практикуют как молодые люди, так и женатые люди, даже когда последние наиболее скрупулезно соответствуют букве закона.^[29]

Пропаганда такого целомудрия является главной целью настоящей работы. Для благополучия нашей расы крайне важно, чтобы инстинкт размножения никогда неэгоистично удовлетворялся; никогда не удовлетворялся за счет благополучия наших товарищей. Мужчина, который в этом вопросе не будет со скрупулезным почтением считаться ни с малейшими желаниями другого пола; мужчина, который всегда будет соперничать своими желаниями с их желаниями и который будет ценить получаемое удовольствие выше, чем то, которое он может быть способен доставить, — такой мужчина представляется мне, в сущности, грубияном. Животные обычно ищут удовлетворения своих склонностей с откровенным эгоизмом и никогда не рассчитывают, доставляют ли их товарищи удовольствие или дразнят их назойливостью. Человек не может более близко уподобить свою природу их природе, чем подражая им в этом.

Еще раз. Нет инстинкта, в отношении которого строгое воздержание было бы более важным. Все наши животные желания до сих пор занимали неоправданно большую долю человеческих мыслей; но нет ничего более общего, чем это. Воображение юных и страсти взрослых разжигаются тайной или возбуждаются сдержанностью, и добрая половина всех мыслей и интриг мира имеет прямое отношение к этому единственному инстинкту. Даже те, кто, подобно Шейкерам, “распинают плоть”, не менее заняты этим в своих тайных мыслях, о чем свидетельствуют сами сочинения Шейкеров. Ни человеческие институты, ни человеческие предрассудки не могут уничтожить инстинкт. Странно, что люди не довольствуются рациональным контролем и мудрым регулированием этого инстинкта.

Это вопрос второстепенной важности: “Как это лучше всего регулировать?” Не с помощью обета монашеского целомудрия. Конечно, не со стороны любимого регулятора в мире - невежества. Нет. Хотим ли мы легко управлять этим инстинктом и присваивать ему должное место среди человеческих чувств? Тогда давайте развивать интеллект, давайте тренировать тело, давайте с пользой занимать время каждого человека. Что сейчас дает страсти власть, а желаниям - власть? Это пустота ума; это вялость тела; это праздность. Культурная раса никогда не бывает чувственной; выносливая раса редко страдает от любви; у трудолюбивой расы нет времени на сентиментальность. Развивайте моральные чувства, и они будут управлять физическими инстинктами. Занимайте ум и тело с пользой, интеллектуально; и склонности получат ту заботу и время, которых они заслуживают. Основываясь на любом другом принципе, мы можем вечно лечить бедную человеческую природу и в конце концов только докажем, что

мы эмпирики. Умерщвления плоти, обеты весталок, мистерии, засовы, ханжеские предрассудки — все это шарлатанские лекарства; они рассчитаны только на то, чтобы подорвать силы и бодрость духа или усилить лихорадку пациента. Если мы хотим изгнать ошибки и страсти из ума, мы должны заменить их чем-то лучшим. Говорят, что в природе не может быть вакуума. Меньше всего это может существовать в человеческом сознании. Освободите его от одной глупости, излечите от одного порока, и на освободившееся место придет другой, если только он не обнаружит, что оно уже занято интеллектуальными упражнениями и здравым смыслом.

Мужья и отцы! изучите определение целомудрия, данное Франклином. Ваши страхи, ваша ревность до сих пор были направлены на то, чтобы наблюдать и охранять: поразмыслите, не приятнее ли это и не лучше ли просветлять и доверять.

Честные аскеты! вы стремились умертвить плоть; спросите себя, не разумнее ли было бы контролировать ее. Вы стремились распять тело; подумайте, не эффективнее ли было бы развивать ум. Преуспели ли вы в одухотворении своих тайных мыслей? Если нет, поинтересуйтесь, не являются ли все человеческие склонности, должным образом управляемые, благом для природы, которой они присущи.

Человеческие существа любого пола или класса! беспристрастно и узко изучите влияние, которое рекомендуемый здесь контроль окажет на все общество. Подумайте, не облегчит ли это бремя одного пола, в то же время предоставляя простор для проявления лучших чувств другого. Подумайте, не является ли его тенденция благодетельной и возвышающей, способствующей проявлению практической добродетели и постоянному благополучию человеческого рода.

Нижеследующие замечания адресованы разумным и тактичным представителям механиков, самого многочисленного и наиболее полезного класса общества.

Это великая истина, о которой часто говорят и которую никогда не отрицают, что когда в какой-либо отрасли или производстве работает слишком много людей, им платят хуже, чем следовало бы, и они вынуждены работать больше часов, чем следовало бы.

Когда количество работающих в какой-либо отрасли торговли или производства в течение нескольких лет слишком велико, заработная плата снижается очень низко, и рабочие становятся немногим лучше рабов.

Когда заработная плата, таким образом, снижена до очень небольшой суммы, работающие люди больше не могут содержать своих детей, поскольку все хорошие и уважаемые люди хотят содержать своих детей, но вынуждены пренебрегать ими; — отправлять их на различные работы; — на фабрики и мануфактуры в очень раннем возрасте.

Страдания этих бедных детей не могут быть описаны, да и не нуждаются в описании для вас, кто является их свидетелем и сожалеет о них каждый день своей жизни.

Действительно, многие из вас вынуждены ради скудного пропитания непрестанно трудиться, с того момента, как вы встаете утром, до того момента, как ложитесь ночью, без малейшей надежды когда-либо стать лучше.

Нужно только упомянуть о ваших болезнях и ваших детях, лишениях, боли и преждевременной смерти тех, кого вы любите, но не можете лелеять так, как вам хотелось бы. Ты слишком хорошо знаешь все эти пороки.

И в чем же, спросите вы, заключается лекарство?

Как нам избежать этих страданий?

Ответ короток и ясен; средства просты. Вам нужно всего лишь использовать *Электрогальванику*, как указано и объяснено ранее; это предотвратит зачатие, и, таким образом, не умаляя удовольствий супружеской жизни и не нанося ни малейшего вреда здоровью самой хрупкой женщины, и женщина, и ее муж будут избавлены от всех страданий, к которым приводит многодетность.

При ограничении числа детей заработная плата как детей, так и взрослых возрастет; количество рабочих часов будет не больше, чем должно быть; у вас будет немного времени для отдыха, какие-то способы рационально наслаждаться жизнью, какие-то средства, а также немного времени для морального и религиозного воспитания вас самих и ваших детей.

В настоящее время каждая уважающая себя мать трепещет за судьбу своих дочерей, когда они вырастут. Разврата всегда бояться. Этот страх делает многих хороших матерей несчастными. Зло, когда оно приходит, делает их несчастными.

И почему здесь так много разврата? Почему такие печальные последствия?

Почему? Но потому, что многие молодые люди, которые боятся последствий, к которым приводит большая семья, обращаются к разврату и разрушают свое собственное счастье, а также счастье несчастных девушек, с которыми они связывают себя.

Другие молодые люди, чьи моральные и религиозные чувства удерживают их от этого порочного курса, рано женятся и создают большие семьи, которые они совершенно не в состоянии содержать. Таковы причины несчастья, которое вас постигает.

Но когда здесь, как и везде, войдет в обычай ограничивать количество детей, чтобы никому не нужно было иметь больше, чем они хотят, ни один мужчина не будет бояться брать жену, все будут женаты молодыми; —распутство уменьшится; —в то время как будут поощряться хорошие нравы и религиозные обязанности.

ГЛАВА VIII. ВСТУПАЮЩИМ В БРАК ОБОЕГО ПОЛА В УСЛОВИЯХ СВЕТСКОЙ ЖИЗНИ.

Среди множества страданий женщин, как матерей, есть два случая, которые вызывают величайшее сочувствие.

Первое возникает из-за конституциональных особенностей или слабости.

Второе из неправильных строений костей таза.

Помимо этих двух случаев, существует третий случай, применимый к обоим полам; а именно, наличие большего количества детей, чем доход родителей, позволяет им содержать и обучать желательным образом.

Первый названный случай приводит к выкидышам и приводит к состоянию существования, едва ли переносимому. Это заставило тысячи уважаемых женщин продолжать испытывать боль и дурные предчувствия, пока, наконец, смерть не положила конец их почти невыносимым страданиям.

Второй случай всегда сопряжен с непосредственным риском для жизни. Беременность никогда не заканчивается без сильных страданий, редко без смерти ребенка, часто со смертью матери, а иногда со смертью и матери, и ребенка.

Третий случай, безусловно, самый распространенный и наиболее открытый для общего наблюдения. В средних слоях общества постоянно прилагаются самые добродетельные и достойные похвалы усилия для поддержания респектабельности семьи; но постоянное увеличение числа детей постепенно, но верно делает тщетными все усилия по предотвращению деградации, парализует, делая безнадежными все усилия, и семья погружается в нищету и отчаяние. Так порождается и увековечивается отвратительная масса страданий.

Знание того, что их ожидает, удерживает огромное количество молодых людей от женитьбы и заставляет их проводить лучшую часть своей жизни в состоянии разврата, совершенно несовместимого с благородными чувствами, которые должны быть характерны для молодых людей. Вероломство, двуличие и лицемерие, которые они используют по отношению к своим друзьям и несчастным жертвам своих обольщений, в то время как они посвящают большое количество женщин в самое ужасное из всех состояний, которые могут вынести человеческие существа, в значительной степени гасят в них все мужские, честные представления; и в такой же степени квалифицируют их для совершения действий, которые, если бы не эти мерзкие обычаи, они бы возненавидели, и, таким образом, в огромной степени страдает все общество.

Брак в молодости - единственное по-настоящему счастливое состояние, и если бы пагубные последствия слишком большой семьи не сдерживали их, все мужчины вступали бы в брак молодыми, и таким образом многие прискорбные пороки были бы устранены из общества.

Простое, эффективное и безопасное средство достижения этих желаемых результатов давно известно и в значительной степени практикуется в некоторых местах. Но до недавнего времени был малоизвестен в Соединенных Штатах.

Акушеры первой степени респектабельности и выдающиеся хирурги в некоторых особых случаях рекомендовали это. В течение последних двух лет преобладали более обширные знания об этом процессе и его практика получила более широкое распространение. Теперь она обнародована посредством этой книги; и для тех, кто сочтет ее использование целесообразным, это может не только предотвратить множество несчастий и физических неудобств, но и принести неисчислимую пользу обществу.

Огромная полезность и важность использования этого инструмента может быть суммирована под следующими заголовками:

1. Ни одна супружеская пара не должна иметь больше детей, чем они хотят иметь и могут содержать.
2. Что ни одна нездоровая женщина не должна рожать детей, которых невозможно вырастить и которые ставят под угрозу ее собственную жизнь при родах:

“Женщины, совершившие единственное преступление, кроме того, что последовали велению естественного аппетита, с яростью лишаются удобств и симпатий общества. Это менее простительно, чем убийство! и наказание, которому подвергается та, кто уничтожает своего ребенка, чтобы избежать порицания, легче, чем жизнь в муках и болезнях, на которую проститутка безвозвратно обречена. Подчинилась ли женщина импульсу безошибочной природы? — общество объявляет ей войну, безжалостную и вечную войну; она должна быть ручной рабыней, она не должна подвергаться репрессиям: их право - преследовать, ее долг - терпеть. Она живет позорной жизнью; громкий и горький смех презрения отпугивает ее от любой ответной реакции. Она умирает от долгой и затяжной болезни: и все же *она* виновата, *она* преступница, *она* холодное и неукротимое дитя, а общество, напротив, чистая и добродетельная матрона, которая выбрасывает ее как выкидыш из своего незапятнанного лона! Общество мстит преступникам, созданным им самим; оно занято тем, что сегодня предаст анафеме порок, которому вчера оно усерднее всего учило.

Молодые люди, исключенные фанатичной идеей целомудрия из общества скромных и образованных женщин, общаются с самыми порочными и несчастными существами и таким образом разрушают те утонченные чувства, существование которых отрицал бессердечный мир; таким образом, они уничтожают подлинную страсть и низводят ее до эгоистичного чувства, которое заключается в избытке щедрости и преданности. Их тело и разум превращаются в отвратительные обломки человечности; идиотизм и болезни увековечиваются в их жалких потомках, иотдаленные поколения страдают из-за невежества своих предков”.

Также высказывались возражения, что если бы физические средства предотвращения нежелательных зачатий стали всеобщими, разврат, безнравственность и нищета усилились бы, а общество деградировало бы гораздо больше, чем оно есть на самом деле. Но это логическая ошибка, которую легко разоблачить, и те, кто приходит к выводу, что распутное поведение будет увеличиваться, плохо представляют себе фактические масштабы такого поведения, и более чем вероятно, что если бы факты были раскрыты им в том виде, в каком они известны магистратам, надзирателям и медикам, они были бы поражены.

Множество мужчин никогда не женятся, еще большее число воздерживается от вступления в брак до тех пор, пока не состарится; однако большинство таких людей - отъявленные развратники, и вред, который они причиняют своим обманом и лицемерием, неисчислим. Этого бы не было, если бы были разрешены более свободные половые сношения и применялись физические средства для предотвращения зачатий.

Но большое благо, которое могло бы быть результатом физических превентивных мер, заключалось бы в том, что союзы формировались бы на ранней стадии и в большинстве случаев были бы прочными. Тогда девушки не поддавались бы капризу и несправедливости мужчин, как они делают это сейчас; мужчины не могли бы тогда практиковаться на них, как они это делают сейчас.

Затем девушка говорила своему возлюбленному, что нет никаких препятствий для того, чтобы они подчинились той форме, которую установило общество, и поскольку она обязательно выйдет замуж, она позаботится о том, чтобы поддерживать себя в том состоянии, которое побудит мужчину, который ей нравится, соответствовать ей. Большим препятствием для заключения брака в его нынешней форме является страх перед большой семьей и вытекающей из этого нищетой. Если бы это было устранено, браки стали бы гораздо более распространенными. Люди заключали бы союзы, будучи молодыми и неопытными в обмане и лицемерии, и жили бы добродетельно и счастливо всю свою жизнь.

Тот, кто изучит изложенные здесь утверждения, несомненно, убедится, что физическое предотвращение зачатия, если его широко использовать, положило бы конец огромному количеству разврата и сопутствующих ему страданий; и значительно улучшило бы состояние всего организма людей. Женщины, если нам будет позволено так выразиться, пользовались бы тогда гораздо большим спросом, поскольку каждый молодой человек женился бы, а женщины пользовались бы почти бесконечно большим уважением, чем сейчас. Невозможно предвидеть счастье, которое могло бы возникнуть в результате физической проверки, если бы ее однажды ввели во всеобщее употребление.

ГЛАВА IX. ЦЕЛИ И ОБЯЗАННОСТИ БРАКА.

Это странный мир, а человек - странное животное. Может показаться удивительным, что с такими страстями и силами, какими он обладает, он может быть настолько управляемым, что становится прирученным до уровня цивилизованного существа и подчиняется таким навязываниям своих желаний, которые делают его простым созданием обстоятельств; и все же именно благодаря этому подчинению он обеспечивает себе большее количество радостей и наслаждений: так что то, что он принимает с терпимости, или назовем это единодушным согласием своих собратьев, доставляет ему абсолютное и бесконечно большее удовлетворение, чем было бы неограниченное потакание своим аппетитам. Мир изобилует неисчерпаемыми источниками наслаждений, и у человека есть способности ко всему; но если бы не гражданские и полезные ограничения, это была бы одна непрерывная грубая борьба за обладание. Ни одно обстоятельство не дает нам больше оснований радоваться нашей цивилизации, чем правила, касающиеся брака. Это основа процветания нации и индивидуального счастья. Это дает законное и прочное владение объектом нашего самого искреннего желания. Это устанавливает регулирование и порядок, формирует узы родства и превращает каждую страну в одну семью. Счастливый брак - это альфа и омега надежд каждого мужчины, и он не менее важен для нашей спутницы жизни. В этой жизни нет сравнимого с ней удовольствия, если оно не омрачено физическими или умственными недостатками: но, увы! как редко можно найти такое завершение. Это действительно счастливое состояние, "когда источник благословен, и он радуется с женой своей юности, и она для него как любящая лань и приятная косуля, и он постоянно наслаждается ею".^[30]

Хотя этот брак является всего лишь гражданским договором, не следует забывать, что если он заключен неразумно или его обязательства не выполняются, часто возникают самые плачевные

последствия. Представьте себе сделку, заключенную между двумя лицами, в которой обе стороны в большей или меньшей степени маскируются по отношению к другой стороне и которая обнаруживается только тогда, когда договор не может быть аннулирован. Приданое леди может быть солидным, или перспективы джентльмена хорошими, а его занятия наиболее успешными; их соответствующие семьи и связи могут быть одинаково респектабельными, и ни у супруги, ни у мужа нет причин сожалеть о той части соглашения, которую мир только видит или слышит. Это может быть брак по любви, брак, к которому готовились много лет, брак, в котором самые восхитительные из всех ожиданий предполагали все шансы осуществиться, и все же обладание им в течение одного часа разрушило их. Если развязка не будет столь внезапной, может возникнуть тайная печаль, печаль, источник которой, как и любого другого чувства, кроется в какой-то причине, справедливой или злой, в обнаружении какого-то скрытого препятствия на пути взаимной любви. Может возникнуть какая-то оправданная личная неприязнь, может оказаться, что существует какое-то препятствие для полного и надлежащего наслаждения теми супружескими радостями, которых инстинкту научил каждую сторону ожидать от другой. Это правда, и хорошо, что во всех браках нет скрытых горестей, но это не делает те, в которых они есть, более терпимыми. Брак в основном - это вопрос любви, политики или удобства; в не меньшей степени он должен быть вопросом совести. Законное право, которое церемония дает мужчине в отношении его жены, которое отчуждает ее от мира, которое порабощает ее его личности и страстям или навсегда лишает ее возможности потакать своим желаниям, не следует искать без размышлений; ибо, хотя закон предусматривает наказание за неверность, которая, несомненно, последует за таким притворством, это плохая компенсация за унижение и страдания, которые сопровождают это. Само судебное разбирательство может в равной степени свидетельствовать о том, что природа, равно как и честь, были оскорблены. Любовь не является родителем сексуального желания — это порождение; и если эта инстинктивная страсть будет подавлена или лишена своего законного права, любовь вскоре потеряет свое название и уйдет неизвестно куда. И все же у каждой вещи есть свои границы, избыток часто приводит к более печальным результатам, чем нужда.

Таким образом, цель брака состоит в том, чтобы позволить себе законное использование любовных утех; регулировать рождение детей; обеспечивать преемственность и, таким образом, передавать свою собственность и идентичность; развивать семейное счастье и, таким образом, давать всем равный стимул стремиться к одному и тому же владению; а также обеспечивать защиту, когда она получена таким образом. Если по отношению друг к другу будет практиковаться какой-либо обман, виновная сторона рано или поздно понесет редко встречающееся наказание - разочарование в своих удовольствиях, своих семейных ожиданиях и своих надеждах на наследование.

Женщины лишены права занимать брачное ложе — многие по причинам, которые мы уже перечислили, и многие по другим, над которыми они не властны. Среди последних абсолютный страх перед последствиями, впитанный ранней интуицией какой-нибудь разочарованной незамужней тети — одни из — за приобретенных представлений об аморальности происходящего, другие из личной неприязни — полное отсутствие желания;^[31] и многие, хотя неблагодарный мир может скептически относиться к истине этого, не имеют ни малейшего представления о последствиях. разница даже в полах; по крайней мере, в использовании и целях этой разницы. Существуют способы подготовить женщин к тому, с чем им придется столкнуться на всех этапах жизни; и ни одна мать не должна пренебрегать инструктажем своего ребенка, как того требуют обстоятельства, о продолжительности каждой последующей эпохи ее

грядущего существования. Таким образом, не предполагается настаивать на том, что женщины не могут быть слишком рано посвящены в тайны брачных церемоний и последствий; но есть время и эпоха, когда им следует сообщать такие сведения, и ни в коем случае нельзя позволять им вступать в союзы без таких знаний. Повторяю, читатель, возможно, выразит сомнение в том, что подобное событие когда—либо происходило; он может быть уверен, что многие подобные события происходили и происходят до сих пор и приносят много страданий. Не предполагается также, что физиология размножения должна составлять часть предварительного образования молодой девушки из школы-интерната; но ни одна женщина не должна становиться матерью, не зная кое-что о феномене зачатия. Поистине удивительно видеть, какое глубокое невежество в этих вопросах проявляют женщины в целом: это может быть возведено в ранг образца американской скромности, но это вызывает множество ненужных страхов и тревог, которые иногда имеют серьезные последствия для роженицы. В час опасности, как это называется, как мало женщин, за исключением тех, кто ведет скромную жизнь и кто приобрел свои скудные знания дорогим опытом, имеют хоть малейшую мысль о том, чтобы помочь своей ближней сестре в момент их несчастья: действительно, своим невежеством, страхом и нетерпением они излишне тревожат пациента или самих себя и приводят в замешательство всю семью; тогда как с помощью небольшой информации по этому предмету они могли бы развеять страхи робких и помочь слабым, и нередко становятся инструментами, с помощью которых жизнь меняется. самого младенца или мать можно было бы спасти.

Мы уже говорили, что лицам, подверженным наследственным заболеваниям, не следует становиться родителями, потому что, поступая таким образом, они произведут на свет потомство, потомство которого в конечном итоге исчезнет. И именно этим людям мы сейчас более конкретно адресуем наши замечания.

Те же законы, которые регулируют совершенство растений, рост кукурузы, быстроту борзой собаки и стройность лошади, управляют физической и умственной культурой человека. В растительном царстве земледelec осознает, что успех его посева зависит от состояния того, что он сеет, и плодородия почвы, на которой это посеяно. Именно так обстоит дело с размножением человеческого вида. Раса может улучшаться или деградировать соответственно тому, более или менее соблюдаются законы, управляющие продолжением рода человеческого.

Но мы отвлекаемся от темы, о которой намеревались поговорить, — от передачи болезней от родителей к ребенку. Родители оказывают огромное влияние на физическое состояние своего потомства — общая конституция, умственные и физические качества и даже индивидуальные особенности передаются от отца к сыну. Преждевременный брак и, следовательно, слишком ранний половой акт, хотя это и не может оказаться вредным для родителей, за исключением случаев, когда его привилегии невозддержанно используются, могут быть и часто являются большим недостатком для детей, поскольку они, как правило, хрупкие, несовершеннолетние и редко достигают зрелости. Те же результаты наблюдаются и в тех случаях, когда родители или кто-либо из них на момент зачатия нездоровы. И должны ли обстоятельства раннего брака или плохое состояние здоровья лишать представителей обоих полов возможности удовлетворять самую святую и облагораживающую из страстей? Не было бы в таком случае гораздо более справедливым и нравственным использовать средство предотвращения зачатия, когда из соображений экономии нежелательно иметь потомство или по причинам, упомянутым выше, здоровье не может быть даровано одновременно с дарованием жизни? У искреннего читателя будет только один ответ.

Врачи, как правило, говоря о передаче болезни, устанавливают в качестве закона, что лица, затронутые таким заболеванием, не должны вступать в брак. Здесь мы просим разрешения не соглашаться с ними, и, как нам кажется, справедливо. Чахоточные или золотушные люди, конечно, не должны заводить потомство; но мы не можем понять, почему им следует препятствовать наслаждаться радостями супружеского состояния. Для общего здоровья человека необходимо, чтобы сексуальные объятия время от времени доставляли удовольствие — действительно, это установленный факт, что многие из тех женщин, которые умирают незамужними, обязаны своей ранней смертью разновидности чахотки, вызванной лишением полового акта. Поэтому мы считаем, что все должны вступать в брак, и что те, кто не может произвести здоровое потомство, должны использовать средства для предотвращения зачатия.

Уже было сказано достаточно, чтобы устранить сентиментальную деликатность, с которой некоторые люди относятся к вопросу о репродукции человека, и поскольку это кажется нам неуместным, мы скажем несколько слов по этому поводу. Совокупление никогда не должно быть актом усилия. Используя причудливую, но эгоистичную фразу, “это следует использовать только тогда, когда человек хочет”. Бесплодные попытки могут принести много вреда; может возникнуть сильное сердцебиение, которое настолько ускорит циркуляцию крови и с такой силой направит ее к мозгу, что вызовет апоплексический удар. Мне часто задавали вопрос о том, какое время года было наиболее подходящим для сексуальных утех. Мы знаем, что человек всеяден и через определенные промежутки времени способен повторить акт продолжения рода. Некоторые считают утро наиболее здоровым временем, поскольку теловосстанавливается за счет ночного отдыха, но последующая за ним усталость мешает выполнению деловых обязанностей в течение дня, и более вероятно, что с точки зрения здоровья предпочтительнее ночь; тишина и скрытность, обеспечиваемые таким образом, являются дополнительными стимулами для любви, а усталость тела устраняется несколькими часами сна, которые следуют за этим. Слишком частое предавание себя венерическим утехам решительно противодействует деторождению. Воздержанность в сексуальных удовольствиях - это физическая добродетель там, где это желательно; и, вероятно, период, когда наиболее вероятно зачатие, заключается в воздержании от полового акта до дня или двух после прекращения менструации у женщины. Женщины могут быть бесплодны, но они редко бывают импотентами. Бесплодие может зависеть от отсутствия матки, о чем известно во многих случаях. Это может зависеть от патологических состояний того органа, в котором оно находится; таких как чрезмерная слабость, частые приливы, выпадение или опущение его, выворот или неправильное расположение его; от задержки менструальных выделений, от наличия белей или слабости, вызванной длительным течением этого заболевания. Слишком частое потворство сожителю, беспорядочные сношения и т. Д., Как у тех несчастных, которые добывают себе пропитание такими средствами, являются прямыми причинами заразности. Завершая эту тему, я могу заметить, что, хотя природа, по-видимому, проявила такие причуды в устройстве человечества, она чрезвычайно щедра и добра к тем, кто предпочитает изучать и соблюдать ее законы. Она не делает различий между прошлым, настоящим или будущим. За многие из наших немощей мы должны благодарить тех, кто был до нас, и многие из них мы сами сотворили, совместное рассмотрение должно побудить нас задуматься, насколько оправданно передавать их тем, кто следует за нами. Для всех удовольствий есть свое время года и установлены границы для всего; если мы нарушаем эти границы, мы несем ответственность за последствия: в этом мире много счастья и много горя: умелый пилот увидит большую его часть и проживет в нем дольше всех.

Инструмент, который мы представили публике для предотвращения зачатия, по своим свойствам зависит от электрического флюида. Общественность хорошо знакома с обычным поражением электрическим током; они, вероятно, знают, что многие физиологи считают электричество аналогичным принципу самой жизни. Они знают, что молния — это проявление электрической энергии, что она присутствует во всей природе, но не с одинаковой интенсивностью. Возможно, они слышали о его эффективности при ревматизме, параличе и многих других заболеваниях — о том, что его свойство стимулировать и, в избытке, убивать. Они могут быть знакомы с терминами "Магнетизм", "Гальванизм" и т. Д., Но на самом деле все они являются следствиями одной причины, различаясь только интенсивностью своего действия и способом развития. То, что сейчас называется электромагнетизмом, или магнитным электричеством, - это просто электричество в модифицированной форме; результат его применения тот же. Публике можно рассказать об экстраординарных способностях, которыми обладает этот флюид для поддержания частичной жизни, когда он устанавливается в нервных коммуникациях. Пищеварение зависит от непрерывной нервной связи между мозгом и желудком; если она нарушается, пищеварение прекращается; но если приложить электричество или гальванизм к разделенным концам нервных каналов, пищеварение продолжается, как и прежде, и в течение очень значительного времени. Таким образом, его полезность может быть полностью оценена при применении с помощью нервов к тем органам или структурам, которые недостаточно наделены жизненно важным влиянием. Многие препятствия, существовавшие до сих пор при использовании электричества в профилактических целях из-за того, что для его проявления требовалась благоприятная погода, а также из-за того, что оно было сложным и внушительным в своем применении, теперь устранены благодаря внедрению этого инструмента. Преимущества заключаются в том, что его можно использовать в любое время и при любых обстоятельствах. Это совершенно безопасно, и о том, что это несомненно, свидетельствует тот факт, что из большого количества уже проданных ни один не был возвращен, хотя покупателям была предоставлена свобода сделать это, если инструмент не достигнет своей цели.

ГЛАВА X. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

После публикации первого издания этой работы мистера Оуэна им было получено несколько сообщений в поддержку его книги, некоторые из которых я считаю достаточно важными, чтобы включить их в это издание, поскольку они содержат факты, достойные того, чтобы сохранить их в памяти всех молодых людей, состоящих в браке. В том, на который я сейчас ссылаюсь, его соответствующие замечания звучат следующим образом:

“Я с большим интересом прочитал вашу небольшую работу и желаю, чтобы она получила широкое распространение и чтобы содержащиеся в ней рекомендации были приняты на практике. Если вы опубликуете третье издание, я бы хотел, чтобы вы добавили совет, имеющий величайшую важность, особенно для молодых женатых людей. Многие женщины не знают, что при удовлетворении репродуктивного инстинкта мужчина истощается гораздо сильнее, чем женщина: факт, который необходимо знать, и незнание которого привело к тому, что не один

муж лишился своего здоровья, более того, своей *жизни*. Тиссо сообщает нам, что потеря одной унции спермы равна потере сорока унций крови;^[32] и что в случае самого здорового мужчины природа не *требует* близости чаще, чем раз в месяц.^[33]

“Сколько молодых супругов, нежно и бескорыстно любящих своих мужей, если бы они были осведомлены об этих фактах, следили бы за здоровьем своих партнеров и сохраняли его, вместо того чтобы побуждать их к чрезмерному потаканию своим желаниям.

“Посылаю вам экземпляр итальянских стихов, соответствующих, как и немецкие строфы, которые вы процитировали в своей работе, приведенным выше замечаниям:

“Merta gli alleri al crine

Chi scende in campo armato,

Chi a cento squadre a lato,

Импаллидир нун са:

Ma piu gloria ha nel fronte

Chi, alla ragion soggetto,

D'un sconsigliato astello

Trionfator si fà.”^[34]

Л. Г.”

Мистер Фаулер, френолог, рассуждая на эту тему в своей брошюре, озаглавленной “Предупреждение о влюбчивости и советы женатым и незамужним”, делает следующие замечания, что “тяжелый рабочий день не приводит в равной степени к упадку сил и усталости. Лань после того, как ее страсть утихла, настолько истощена, что к ней можно подойти и почти поймать рукой. Частое потворство своим желаниям в любой из их форм истощит любого человека любого пола. Те, кто хочет писать, говорить или учиться, должны отказаться от этого потворства своим желаниям или интеллектуального напряжения, иначе умрут. Мощные конституции выдержат огромную нагрузку, прежде чем окончательно сломаются, но результат ужасен. Простые животные темпераменты менее травмированы, потому что предполагается, что их жизненная сила в избытке, а расход ее на другие функции невелик; и они не наслаждаются этой функцией, как те, кто более высокоорганизован, и, следовательно, пропорционально менее истощены; такие, конечно, живут; так живут и животные — плотские пресмыкающиеся, чувственные, маложивущие животные, живущие главным образом ради одного удовольствия, когда их природа предлагает так много. Пусть такие упиваются похотью, потому что мало на что другое способны. Но тогда высокоорганизованные люди должны принимать участие редко, иначе это будет возбуждать до безумия и пропорционально истощать ”.

КОНЕЦ.

Реклама.

Читатели подготовленного редактором второго расширенного издания "Моральной физиологии" почтенного Р. Д. Оуэна уведомляются о том, что с момента публикации его первого издания этой работы продажа *Электрогальванизации*, упомянутого в этой работе, предоставила значительные возможности для проверки его эффективности в качестве средства профилактики зачатия. Требуется время, чтобы протестировать эффект и установить достоверность каждого нового лечебного средства. В данном случае, с тех пор как этот прибор был впервые представлен широкой публике, было предоставлено достаточно возможностей для доказательства определенного контроля, который электрическое воздействие способно осуществлять над нервной системой.

Возросший спрос на инструмент продемонстрировал его идеальную приспособленность к выполнению важной задачи, для которой он разработан, и наиболее полно подтвердил доверие, которое до сих пор проявлялось к его профилактическому воздействию. Сообщения из-за рубежа и заказы на эту работу или упомянутую здесь статью, адресованные доктору Р. Гловеру, Нью-Йорк, будут встречены с должным вниманием.

1. Греки и римляне считали, что, ознакомив население с демонстрацией полностью обнаженной человеческой фигуры, либидозные наклонности и желания будут менее возбуждены. Воздержанность и целомудрие полуодетых германцев Тацит высоко превозносит и противопоставляет женственным и роскошным привычкам более утонченных народов своего времени. Поклонение фаллосу, или эрегированному пенису, относится к самой отдаленной древности и берет свое начало не от вульгарных или непристойных представлений, а из соображения, что таким образом наилучшим образом персонифицируются воспроизводящие силы природы; и чтобы придать этому типу более законченный вид, Божеств часто делали гермафродитами или двуполыми, чтобы показать, что одно из них было бы неполным без другого, чтобы представлять природу порождающую и воспроизводящую. Фаллос также использовался в качестве амулета или талисмана, подвешиваемого к шее, и его выставление над домом в Помпеях объясняется словами "domus felicitatis". Значительный свет на эту интересную тему прольет ученая, но слишком затейливая работа мистера О'Брайена "Круглые башни Ирландии".

2. Смотрите "Воспоминания об испанском дворе" мадам д'Оной.

3. Смотрите о путешествиях Tournefort по Турции.

4. Посмотрите "Путешествия Бекингема по Азии".

5. Смотрите "Путешествия Брюса по Абиссинии".

6. Один из английских королей, Эдуард III, в 1344 году поднял с пола бального зала вышитую подвязку, принадлежавшую знатной даме. Возвращая его ей, он остановил растущие улыбки своих придворных словами: "Noni soit qui mal y pense!" или, перефразируя по-английски: "Позор тому, кто неверно истолковывает это!" Это чувство было настолько одобрено, что стало девизом английского национального герба. Это то, что можно было бы использовать не так уж и

редко для обличения слащавой, поверхностной и нетерпимой морали нашего лицемерного и расточительного века.

7. Смотрите “Краткое изложение принципов Объединенного общества под названием Шейкеры”, опубликованное Кэлвином Грином и Сетом И. Уэллсом, 1830.

8. Я называю их своими друзьями, потому что, как бы мало я ни был расположен присоединиться ко всем их принципам, я встретил среди них большее количество людей, которые разделили мою дружбу и сочувствие, чем, возможно, среди какой-либо другой секты или класса людей.

9. Под *безудержным* Мальтус и его ученики подразумевают, что оно не ограничено и не уничтожено никакими случайными ограничениями, какими бы то ни было, моральными или аморальными, благоразумными или насильственными. Таким образом, бедность, война, распутство, голод и т. Д. - Все это мощные сдерживающие факторы для населения. В этом смысле, а не просто применительно к превентивным моральным ограничениям, я использовал это слово на протяжении всей этой главы.

10. Мандевиль.

11. Какой-то остряк, ссылаясь на тот факт, что у самого мистера Мальтуса большая семья, заметил, “что преподобный джентльмен лучше знал, как проповедовать, чем практиковать”.

12. Лоуренс, гениальный автор “Империи Найров”, достаточно проникательно замечает: “Там, где женщины ханжи, мужчины будут пьяницами”.

13. Возможно, можно возразить, что все женатые люди уже обладают этой властью, поскольку они не более обязаны становиться родителями, чем неженатые; они могут жить так, как живут братья и сестры среди Шейкеров. Но это средство, во-первых, как правило, совершенно неосуществимо; и, во-вторых, оно охладило бы и озлобило семейную жизнь, даже если бы было осуществимо.

14. Покраснеют ли наши чувствительные прекрасные леди от очевидного здравого смысла и простоты такого замечания? Позвольте мне сказать им, что бестактность кроется в их собственном сознании, а не в словах матери-француженки.

15. Для такого неестественного порока, как онанизм, не могло быть никакого возможного искушения, а следовательно, и никакого существования, если бы люди не находились в неестественном и пагубном положении. Впервые оно появилось, вероятно, в монастырях; и было увековечено более или менее антисоциальными и деморализующими отношениями, в которых мужчины и женщины находятся друг к другу, почти во всех странах. Оценивая последствия нынешнего ложного положения общества, мы должны свести воедино ужасные последствия (нередко заканчивающиеся неизлечимым безумием) этого порока, нелепого порождения современной цивилизации. Врачи говорят, что в настоящее время онанизм преобладает в прискорбной степени как в нашей стране, так и в Англии. Если бы рекомендации, содержащимся в этом небольшом трактате, в целом следовали, он, вероятно, полностью исчез бы за одно поколение.

16. См. Письмо Перси Биши Шелли, опубликованное в “Льве” от 5 декабря 1828 г.

17. Каждый размышляющий ум различит неразумную, иногда даже великодушную, неосторожность юношеской страсти и расчетливый эгоизм зрелого и бессердечного распутника. Печальная истина заключается в том, что псевдоцивилизация порождает тысячи профессиональных соблазнитель, которые, ежедневно призывая небеса в свидетели своей вечной привязанности, не испытывают привязанности ни к чему на земле, кроме своего собственного драгоценного и распутного "я". Мои наблюдения применимы именно к таким совершенно никчемным персонажам, как эти.

18. Иисус сказал ей: "И Я не осуждаю тебя".—Иоанна viii. 11.

19. Каково действительное состояние общества в Великобритании и даже в этой республике, что псевдоцивилизация, в ее превосходной степени деликатности, должна так брезгливо стесняться говорить или санкционировать простую, моральную, эффективную проверку населения? Все ли ее сыновья целомудренны и воздержанны, а дочери бесстрастны и чисты? Я мог бы, если бы захотел, раскрыть в этом самом городе Нью-Йорке - и в соседнем с нами городе Филадельфии — сцены и обычаи, которые время от времени всплывали на свет и которые не дали бы благоприятного ответа на этот вопрос. Я мог бы спросить, все ли дома свиданий в этих двух городах посещаются только известными распутниками? или некоторые из самых внешне респектабельных отцов — да, *матерей* семейств — не бывали ли на курортах, поддерживаемых и посещаемых только таким "хорошим обществом", как они сами?

Что касается Великобритании, я мог бы процитировать свидетельство, представленное "Комитету Палаты общин по заработной плате рабочих" Генри Драммондом, банкиром, мировым судьей и крупным землевладельцем в графстве Суррей, в котором содержатся следующие вопрос и ответ: В. "На какую практику принудительных браков вы ссылаетесь?" О. "Я считаю, что нет ничего более ошибочного, чем утверждение, что законы о бедных склонны к опрометчивым бракам; я никогда не знал случая, чтобы девушка выходила замуж до того, как она забеременела, и никогда не знал о браке, заключенном с расчетом на будущее содержание". Утверждения мистера Драммонда были подтверждены другими не менее уважаемыми свидетелями; и из того, что я сам узнал в беседах с некоторыми из ведущих промышленников Англии, я убежден, что утверждение, касающееся рабочего населения в основных промышленных районах, едва ли соответствует действительности. преувеличено.

Далее я мог бы заявить, что место, на котором сейчас находится больница для подкидышей в Дублине, раньше носило название "Переулок убийц" из-за количества убийств детей, которые были совершены в окрестностях.

Я мог бы привести показания уважаемых свидетелей в доказательство того, что даже среди женатых нередко наблюдается губительное действие спорыньи; вероятно, именно те люди, которые на людях сочли бы уместным быть ужасно шокированными этой маленькой книгой.

Но зачем множить доказательства? Протоколы каждого суда, более того, сплетни в каждой модной гостиной в достаточной степени отражают реальный характер нашего ханжеского и фарисейского мира.

20. См. Письмо Комитета Типографского общества Роберту Дейлу Оуэну, опубликованное в Commercial Advertiser от 29 сентября и скопированное в Free Enquirer от 9 октября 1830 г.

Описание обстоятельств, связанных с этим письмом и побудивших меня в настоящее время написать и опубликовать настоящий трактат, см. в Предисловии.

21. Я хотел бы услышать, как эти джентльмены объясняют, по какому принципу, по их мнению, целомудрие ихжен проистекает из страха перед потомством; так что, если освободиться от такого страха, за ним последует проституция. Я легко могу понять, что можно предположить, что неженатые люди стараются избегать ситуаций, для которых не может быть приведено никакого законного основания; но жена должна быть особенно тупой, если она не может во всех случаях привести законное основание; а муж должен быть особенно проницательным, если он может сказать, указана ли истинная причина или нет. Следовательно, эта гарантия супружеского целомудрия, на которую джентльмены из Типографского комитета, по-видимому, смотрят с таким безоговорочным доверием, является просто сломанной тростинкой; и так было со времен Вифсавы.

Однако *супружеское* целомудрие - это то, что особенно ценится. Непостоянство жены обычно ранит гораздо глубже, чем бесчестие сестры. Таким образом, в этом случае, который мир обычно считает чрезвычайно важным, страх перед потомством *не налагает никаких ограничений*. Не имеет ни на йоту значения, разбирается ли замужняя женщина в физиологии или нет; за исключением, возможно, действительно, выгоды для мужа; в случаях, когда совесть жены побуждает ее, по крайней мере, остерегаться возможности обременить своего законного супруга заботой и поддержкой детей, которые не принадлежат ему. Постоянство, там, где оно действительно существует, является порождением чего-то более эффективного, чем невежество. И если в случае с женой мужчины должны доверять и доверяют чему-то другому, то почему не во всех других случаях, где сдержанность может считаться желательной? Должны ли мужчины доверять большему и бояться доверять меньшему? Что бы кто-либо ни хотел утверждать относительно тайных склонностей своих родственников к расточительству, эти аргументы могут убедить его в том, что если у него и есть какая-то защита в настоящее время, то изучение Моральной физиологии ее не разрушит.

Странно, что люди, пытаясь подкупить кого-нибудь на спор, готовы таким образом очернить характер и мотивы своих родственников, не изучив сначала тщательно, принесло ли, в конце концов, это очернение какую-либо пользу их делу.

22. Примеров можно было бы привести бесчисленное множество. Ни одному молодому человеку, например, из двадцати, никогда не говорили, что половой акт во время женских курсов нередко бывает продуктивным для женщины с разновидностью *fluor albus*, а иногда (как следствие) для мужчины с симптомами, очень похожими на симптомы уретрита или гонореи, но более легко устранимыми. И все же, какой факт важнее для сообщения! И как нелепа озорно-ханжеская утонченность, скрывающая от людей то, что их больше всего волнует, - знать? Следующий случай описан доктором Дьюисом в его работе о болезняхженщин: "Нам известна жалоба, переданная мужчине при половом акте с женщиной, страдающей отзуда. Это было очень похоже на то, что повлияло на женский характер в целом. Когда это происходит с женатым мужчиной, иногда возникает много беспокойства из-за предположения, что жена была неверна, и наоборот. Действительно, насколько нам известно, это происходило не в одном случае, когда женщина считала себя потерпевшей стороной; и в одном случае взаимные обвинения были обоюдными. В данном случае друзья сторон собрались, чтобы определиться с условиями раздельного проживания, когда один из тех, кто оказался более разумным, чем

остальные, предложил, чтобы, прежде чем они пошли на такую крайность, им следует проконсультироваться с их семейным врачом. Соответственно, за нами послали. После внимательного слушания обеих сторон и изучения деталей мы убедились, что не было ни малейших оснований для обвинения кого-либо из них в недостатке верности, и мы заверили стороны, что это так, и нам посчастливилось приостановить все дальнейшие разбирательства ”.

23. Le premier serment que se firent deux êtres de chair, ce fut au pied d'un rocher, qui tombait en poussière; ils attestèrent de leur constance un ciel qui n'est pas un instant le même: tout passait en eux, et autour d'eux; et ils croyaient leurs cœurs affranchis de vicissitudes. O enfans! toujours enfans!

Diderot; Jacques et son maitre.

24. Какой-то немецкий поэт, чье имя ускользнуло от меня, говорит:

“Tapfer ist der Lowensieger,

Tapfer is der Weltbezwinger,

Tapferer, wer sich selbst bezwang!”

“Храбр лев-победитель,

Будь храбрым завоевателем мира,

Храбрее тот, кто контролирует себя!”

Это благородное чувство, и оно очень подходит к настоящей дискуссии.

25. Смотрите “Историю академии наук” за 1679 год, стр. 279.

26. Гиппократ положительно утверждает эту последнюю гипотезу и выступает возмутительно против всех скептиков в своей теории. В своей работе о диете он говорит нам: *“Это не вера в то, что у животных есть недостатки.”* Тертуллиан горячо поддерживает ортодоксальность этого мнения.

27. Боннер, я полагаю.

28. Велпо определяет зачатие как изменение, происходящее между моментом оживления и периодом, в течение которого зародыш демонстрирует признаки развития.

29. Определение целомудрия, данное моим отцом Робертом Оуэном, также является превосходным: “Проституция, половое сношение без привязанности: Целомудрие, Половое сношение с привязанностью”.

30. Притчи, ст. 18.

31. Нередко можно услышать о женщинах, не получающих удовольствия от сексуальных объятий; и каким бы мощным стимулом для продолжения рода ни была ожидаемая награда в виде наивысшего чувственного удовлетворения, такое завершение, хотя и может быть желанным, не является абсолютно необходимым для оплодотворения. Я встречался со многими женщинами, которые, подобно^[35] матери одного из генералов Наполеона, заявляли: “Ты не можешь отказаться от своей мечты”.

32. Это, конечно, должно быть скорее вопросом догадок и приближений, чем точных расчетов.

33. И я сомневаюсь, что она *допускает* это, без большего или меньшего ущерба для среднего телосложения, чаще, чем раз в неделю. Я уверен, что любой молодой человек, который тщательно запишет и сравнит свои ощущения, убедится, что воздержание положительно запрещает такое потворство своим желаниям, во всяком случае, чаще двух раз в неделю; и что тот шутит со своим телосложением, кто пренебрегает этим запретом. Как неизмеримо важно, чтобы родители сообщали своим сыновьям, но особенно дочерям, подобные факты!

34. Для английского читателя я попытался воспроизвести приведенные выше строки следующим образом:

Увенчай его чело лавровым венком,

Кто может ступить на поле смерти—

Наступать — с тысячами вооруженных людей рядом—

И не знаешь, чего это значит - бояться.

Но гораздо больше его похвал,

Оправдать его притязания на бухты славы,

Который, верный голосу разума, зову добродетели,

Побеждает самого себя - самый благородный поступок из всех!

35. Примечания Эллиотсона к "Физиологии Блюменбаха".

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Таблица [содержания](#) добавил переписчик.
2. Исправлены опечатки и орфографические отклонения.
3. Архаичные, нестандартные и неопределенные варианты написания сохранены в печатном виде.